

Л И Л И Я

КУЗНЕЦОВА

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЮВЕЛИРЫ

XIX

Барбе
Дювали
Кейбели
Зефтигены
Сазиковы

Н А Ч А Л А

ДИНАСТИИ
ЗНАМЕНИТЫХ
МАСТЕРОВ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
РОССИИ

XX в.

Ганы
Бутцы
Болины
Верховцевы
Фаберже

О ШЕДЕВРАХ, ИХ СОЗДАТЕЛЯХ, ВЛАДЕЛЬЦАХ И НЕПРОСТЫХ СУДЬБАХ В УВЛЕКАТЕЛЬНОМ
ИЗЛОЖЕНИИ НЕПРЕВЗОЙДЕННОГО ЗНАТОКА ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА

Лилия Кузнецова

**Петербургские ювелиры
XIX – начала XX в. Династии
знаменитых мастеров
императорской России**

«Центрполиграф»

2017

УДК 739.2
ББК 85.12

Кузнецова Л. К.

Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России / Л. К. Кузнецова — «Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07179-8

Книга «Петербургские ювелиры XIX – начала XX в.» – последняя часть трилогии о мастерах ювелирного дела, написанной знатоком и исследователем этого прекрасного вида искусства, научным сотрудником Эрмитажа, кандидатом искусствоведения Лилией Константиновной Кузнецовой. Особенностью ее работ, делающей их совершенно уникальными, является то, что каждая вещь рассматривается не только с точки зрения атрибуции и описания, но в контексте истории, судеб мастера и владельцев. Ни одному из специалистов в области ювелирного искусства этого сделать не удавалось. Великолепное знание истории, химии, геммологии, технологии, помноженное на многолетний труд и беззаветную преданность своему делу, привело к блестящему результату. Плюс неповторимый стиль изложения – образный, яркий. Читатель невольно погружается в прошлое, в придворную и великосветскую жизнь, оказывается в мастерских ювелиров. Но при этом – предельная точность, опора только на факты. Книгу отличает обширный, детально проработанный научный аппарат. Поэтому и искушенный искусствовед, и простой читатель найдут в ней что-то новое и интересное для себя.

УДК 739.2
ББК 85.12

ISBN 978-5-227-07179-8

© Кузнецова Л. К., 2017

© Центрполиграф, 2017

Содержание

Рецензии на книгу Л.К. Кузнецовой «Петербургские ювелиры XIX – начала XX веков»	7
Глава I	10
Глава II	28
Карл Хелфрид Барбе	29
Табакерка цветной эмали	29
Мемориальная табакерка графа И.Ф. Паскевина-Эриванского	30
Иоганн Христиан Барбе	32
Золотой кубок – дар кавалергардов генерал-адъютанту графу С.П. Апраксину	32
Бирюзовый браслет, пожалованный Николаем I великой княгине Марии Павловне на Пасху 1832 года	33
Глава III	39
О сапфировом и бирюзовом уборах, диадеме из колосьев, завещанных дочерям, Елене Павловне и Екатерине Павловне	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Лилия Константиновна Кузнецова
Петербургские ювелиры XIX –
начала XX в. Династии знаменитых
мастеров императорской России. О
шедеврах, их создателях, владельцах
и непростых судьбах в увлекательном
изложении непревзойденного
знатока ювелирного искусства**

© Кузнецова Л.К., 2017

© ООО «Рт-СПб», 2017

© «Центрполиграф», 2017

Рецензии на книгу Л.К. Кузнецовой «Петербургские ювелиры XIX – начала XX веков»

Книга Л.К. Кузнецовой, посвящённая петербургским ювелирам XIX в., является завершением труда всей жизни замечательного ученого. Первые две книги, в которых рассматривались основные этапы развития ювелирного искусства России в XVIII – начале XIX вв., судьбы ювелиров и судьбы их изделий, вызвали большой резонанс в довольно обширном сообществе учёных, специализирующихся на различных аспектах указанной темы.

Для всех книг Л.К. Кузнецовой, включая рецензируемую, характерен широкий взгляд на развитие ювелирного искусства императорской России. Это не только история вещей в утилитарном контексте их потенциального провенанса. Это история, в которой судьбы ювелирных изделий разного уровня неразрывно переплетены с судьбами людей, которые их изготовили, и людей, которые ими владели. Причём эта история удивительно легко и с бездной интереснейших деталей укладывается в контекст как истории императорских резиденций, так и повседневной жизни императорского двора. За непринуждённостью и удивительной элегантностью изложения сложнейшего материала скрывается многолетняя кропотливая исследовательская работа по атрибуции ювелирных изделий, которые до указанных работ Лилии Константиновны просто «молчали».

Многие годы работы в архивах, тщательный отбор и перепроверка сведений в опубликованных исследованиях выливались в многочисленные статьи и выступления на конференциях различного уровня. Поэтому книги Л.К. Кузнецовой, объединившие результаты её изысканий, являются безусловным образцом высококлассной исследовательской работы.

Если говорить о рецензируемой рукописи, то она, как и предыдущие работы Л.К. Кузнецовой, базируется на широком использовании архивных источников, большая часть которых впервые введена в исторический оборот. Хотелось бы подчеркнуть важность именно этой архивной составляющей исследовательской работы автора. В настоящее время история ювелирного искусства императорской России является одним из научных трендов, в мейнстриме которого проводятся конференции, формируются частные и государственные музеи. В советский период, на который пришлась большая часть самых плодотворных творческих лет Лилии Константиновны, ювелирная тематика была уделом довольно узкого круга специалистов-музейщиков. Собственно поэтому главные книги Л.К. Кузнецовой выходят только сегодня, сразу же становясь «ювелирными» бестселлерами.

Обстоятельные экскурсы автора в историю той или иной вещи буквально завораживают. Здесь и значимые государственные и семейные события российских императорских семей, рассказанные через истории ювелирных изделий. Здесь и настоящие ювелирные детективы, связанные с причудливой судьбой тех или иных украшений. Здесь и судьбы ювелиров, буквально своими руками создававших славу российского ювелирного искусства. Причём, говоря о судьбах ювелиров, Лилия Константиновна не ограничивается именами мэтров уровня Зефтигена, Болина или Фаберже. Она вводит в научный оборот описание судеб и творений множества петербургских ювелиров, которые во многих, подчас солидных монографиях, рассматриваются в качестве мастеров второго ряда, что совершенно не соответствует их истинным заслугам.

В работе Л.К. Кузнецовой имеются отголоски дискуссий с коллегами по цеху, с которыми она аргументированно спорит, уточняя детали своей атрибуции. При этом автор не боится признавать и собственные ошибки, уточняя детали более ранних атрибуций. Подчас некоторые из утверждений Л.К. Кузнецовой вызывают удивление, например, утверждение об Александре I, выбравшем в 1825 году судьбу старца Федора Кузьмича. Но эта гипотеза не голо-

словна, поскольку основана на двух записочках, хранившихся в коробочке из-под зубочисток императора.

Резюмируя, можно утверждать, что книга живая, поскольку замкнута не на ограниченный круг исследователей ювелирного искусства, а обращена к самой широкой аудитории, коей интересны судьбы Родины. Представленная рукопись заслуживает самой высокой оценки и рекомендуется к печати.

*Доктор исторических наук, профессор, Зимин Игорь Викторович
15 ноября 2016 года*

Лилия Константиновна Кузнецова долгие годы была ведущим научным сотрудником Государственного Эрмитажа, областью её научные интересы было изучение творчества ведущих ювелиров Петербурга. Книга Лилии Константиновны представляет собой уникальный обобщающий труд, посвященный знаменитым династиям ювелиров, работавших в российской империи в XIX – начале XX вв. Длительное время ювелирное искусство выдающихся мастеров Петербурга было недоступно для изучения исследователями, многие их произведения были утрачены для России навсегда, но сегодня эта тема как никогда актуальна. Такой обобщающий труд помогает прикоснуться к миру высочайших заказчиков и искуснейших исполнителей, а обширные архивные материалы, собранные исследователем, позволяют в полной мере воссоздать одну из граней жизни императорской семьи – владение ею изумительными произведениями ювелирного искусства, нередко имеющими собственную историю, связанную с историей жизни их владельцев.

Книга является серьезным научным трудом, подводящим итог многолетним исследованиям Лилии Константиновны. Она будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей. В книге тесно переплетаются архивные материалы, которые рассказывают об истории создания и бытования ювелирных украшений, принадлежавших российским государям и первым лицам государства, и описание исторических фактов, событий, с ними связанных. Книга написана доступным, ярким, образным языком, отличающим все труды Лилии Константиновны, благодаря чему читатель невольно погружается в великосветский мир XIX столетия.

Книга состоит из тринадцати глав, которые охватывают историю ювелирного искусства Петербурга XIX в. – блистательной эпохи, когда создавались поистине выдающиеся произведения. Читатель вслед за автором переносится в сложный и неоднозначный период, когда разнообразие стили сменяли друг друга, следуя от роскошного и изысканного ампира к нежному романтизму, и, позднее, к разнообразным национальным стилистическим направлениям периода эклектики. Всё это нашло отражение в творчестве ведущих ювелиров, работавших в исследуемый период в Петербурге.

Читатель подробно познакомится с модными украшениями той эпохи, их названиями, особенностями использования. Ему предстоит узнать многочисленные имена петербургских ювелиров, галантерейщиков, мастеров серебряного и золотого дела, которые не столь часто попадают на страницы изданий, доступных неспециалистам. В книге рассматриваются творческие биографии петербургских ювелиров-цеховиков братьев Барбе, читатель узнает о целой династии выдающихся ювелиров Кейбелей, отдельные разделы автор посвятила деятельности ювелирных домов Болин и Фаберже, а также деятельности небольших ювелирных фирм «Вальян и Жиге де Вильфен», «Ф.И. и Ф.Ф. Кёхлин», «К. Ган» и др. Также откроются интереснейшие страницы деятельности Английского магазина, клиентами которого были члены императорской фамилии и представители высшего света Петербурга. Предметы, приобретенные в Английском магазине, украшали многочисленные петербургские дворцы и особняки. В отдельном разделе автор рассказывает о деятельности выходцев с Урала, известных ювелирах конца XIX в.: А.К. Денисове, А.И. Сумине, И.С. Брицыне, а также о знаменитых ювелирных

фирмах рубежа XIX-XX вв.: Сазикова, Хлебникова, Верховцевых, братьев Грачевых, Овчинниковых и др.

Л.К. Кузнецова доступным и красочным языком описывает разнообразные произведения ювелирного и декоративно-прикладного искусства, благодаря чему любой человек может с легкостью представить, как они выглядели в действительности. Это особенно ценно, потому что далеко не все они сохранились, но благодаря образности языка автора и его увлечённости излагаемым материалом читатель легко может реконструировать для себя их облик.

Книга Кузнецовой Лилии Константиновны будет с интересом воспринята широким кругом читателей, поскольку знакомит не только с историей создания выдающихся произведений искусства, но и с некоторыми легендами, которые их окружают. Кроме того, данная книга представляет несомненный интерес и пользу для специалистов в области русского ювелирного и декоративно-прикладного искусства, поскольку основывается на обширном архивном материале, в ней представлены многочисленные мемуарные источники, которые помогают наиболее полно и достоверно показать историческую эпоху ХЕК в. Это серьезное многолетнее научное исследование, изложенное ярко, захватывающе, образно, с неповторимым колоритом.

Прекрасный оратор, Лилия Константиновка щедро делилась своими знаниями и новыми открытиями с коллегами и учениками. Её рассказ увлекал любого слушателя. На протяжении многих лет она являлась для меня примером целеустремлённого, увлечённого своим делом исследователя. Именно благодаря её дару щедро делиться с окружающими своей любовью к камню, ювелирному и декоративно-прикладному искусства она смогла зажечь эту любовь и во мне. В 1990-е годы, читая увлекательные лекции по курсу «Декоративно-прикладное искусство», она смогла открыть для меня великолепный мир камня. Каждая встреча с Лилией Константиновной в Эрмитаже или на научных конференциях была наполнена новыми интересными открытиями и идеями, которые позволяли направить и свою исследовательскую деятельность в новое русло.

*Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Горного музея
Боровкова Наталья Валерьевна
20 ноября 2016 года*

Глава I

Эпоха Николая I и ювелирное искусство Петербурга

В двадцать девять лет Николай I взойшёл на завещанный старшим братом императорский престол, жестоко расправившись с бунтом дворянской гвардии, желавшей скорейшего осуществления либеральных реформ. Поскольку декабристы считали царствующую династию неспособной на перемены, они попытались насильственным путём устранить её.

В последние годы жизни Александр I избегал всех общественных увеселений. Он признавался в письме к жене своего будущего преемника на троне, что хотя с наступлением нового, 1825 года, «удовольствия снова вступили в свою обычную колею, <...> я остаюсь верным своим привычкам к уединению, которые согласуются с моими вкусами, моими занятиями, моим здоровьем». Вошедшие же в обычай появления на балах в честь рождения младшего брата Михаила 28 января и племянницы Марии Николаевны самодержец рассматривал как ежегодную «дань, которую я выплачиваю каждую зиму, и она представляется мне достаточной для того, чтобы затем считать себя освобожденным от остального».¹

При Николае I, стремившемся привлечь на свою сторону как можно больше верноподданных, во главу угла было поставлено упорядочение не только законов, но и системы пожалований от Двора. Новый император не выносил туеядцев и лентяев, сплетни и скандалы вызывали у него отвращение.² Но поскольку в почёте оказались не умники, а верноподданные, то пышным цветом расцвело чиновничество.

Предательство, особенно друзей и товарищей, противное чести дворянина, становилось клеймом для доносчика. Однако только «за недонесение» властям о заговоре и членстве в тайном обществе было осуждено более двухсот декабристов – это было деянием, несущим опасность не только для династии, но и для государства. Сам Николай Павлович придерживался рыцарских правил, но, будучи самодержцем, обязан был следовать букве закона, требовать от подданных строгого соблюдения положений воинского устава и параграфов чиновничьих циркуляров. Иногда это приводило к парадоксам. Однажды некий морской офицер за какую-то провинность оказался на петербургской гарнизонной гауптвахте. Вместе с ним маялся под арестом гвардеец, оказавшийся хорошим приятелем сменившегося начальника караула. Ради друга тот решился пойти на должностное преступление и своей властью отпустил на несколько часов домой незадачливого повесу. Моряк позавидовал счастливой участи сотоварища и тут же настрочил донос на Высочайшее имя. Убедившись, что морячок не солгал, Николай отдал обоим приятелей под военный суд, разжаловавший провинившихся в рядовые. Зато доносчик-дворянин не остался без царской награды: он за своё гнусное деяние получил, подобно Иуде, свои «тридцать сребреников» – целую треть месячного жалования, однако с неременным условием «записать в его послужном формуляре, за что именно получил он эту награду»³.

Годы правления дали опыт, и своё кредо мудрого монарха третий сын Павла I изложил в завещании сыну-престолонаследнику Александру: «Будь милостив и доступен ко всем несчастным, но не расточай казны свыше её способов. С иностранными державами сохраняй доброе согласие, защищай всегда правое дело, не заводи ссор из-за вздору, но поддерживай всегда достоинство России в её истинных пользах. Не в новых завоеваниях, но в устройстве её обла-

¹ Великая княжна Ольга Николаевна. Сон юности: Воспоминания. 1823–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 204. (Далее – Сон юности.)

² Данилова А. Ожерелье светлейшего. Племянницы Потёмкина: Биографические хроники. М., 2003. С. 462.

³ Балязин В.Н. Царский декамерон. От Николая I до Николая II. В 2-х кн. Кн. 2. М., 2010. С. 24–25.

стей отныне должна быть вся твоя забота. Пренебрегай ругательствами и пасквилями, но бойся своей совести».⁴

Неудивительно, что Александр I «своим отшельничеством и своею наклонностью к мистицизму внушил всем род замкнутости и лицемерия, которые препятствовали увеселениям и разделили петербургское общество на маленькие кружки».

С началом нового царствования все словно очнулись от скучного и однообразного существования, и, навёрстывая упущенное, вновь предались танцам, веселью, всем светским развлечениям и удовольствиям. Поэтому зима с 1826 на 1827 год в С.-Петербурге была чрезвычайно оживленной: императрица Александра Феодоровна, наконец-то оправившись от расстройства здоровья, вызванного событиями 14 декабря, одушевляла и украшала своим присутствием столичные балы».⁵

Давно уже так не веселились в Петербурге. Императорский Двор сам поощрял к этому, – милая приветливость императрицы и простой открытый тон августейшего её супруга служили обществу лучшим примером.

Ради блеска Двора придворный штат был увеличен, но царили там низкопоклонство и неприкрытая лесть. Если в начале царствования Николай I стремился следовать скромности брата-предшественника, то через несколько лет траты на баснословные подарки опять выросли.

Николай Павлович, обожая свою супругу, осыпал её драгоценностями, ибо, как известно, дорогой бриллиант требует соответствующей оправы. На день тезоименитства, 23 апреля, – императрица получила от него стоившую 130 тысяч рублей нитку⁷ крупного жемчуга с большими жемчужными «банделоками»-подвесками для серёг. Это было только начало. 1 июля 1826 года Николай I подарил своей супруге на день её рождения и на очередную годовщину свадьбы девять столь любимых им сапфиров, приобретенных у Дюваля за 12 000 рублей (незадолго до казни декабристов, свершившейся на кронверке Петропавловской крепости).

Не забывал император и о других дамах августейшего семейства: супруге младшего брата самодержца, великой княгине Елене Павловне, в феврале были преподнесены серьги с жемчужными грушевидными подвесками в 15 000 рублей, а в мае, «по случаю благополучного разрешения от бремени», – склаваж с голубым аквамаринном, осыпанным бриллиантами, с двумя нитками крупного жемчуга, стоившие 52 000 рублей.⁶

⁴ Азарова Н.И. «...Мудрено быть самодержавным» // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 30.

⁵ Шильдер Н. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. В 2-х кн. М., 1997. Кн. 2. С. 10–11, 369 (примечание 9). (Далее: Шильдер, Император Николай... кн. 2.)

⁷ Юферов Д.Б. История коронных бриллиантов // Алмазный фонд СССР. Выпуск 3. М., 1925. С. 18. (Далее – Юферов.)

⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3943. Л. 369–369 об.; Юферов, 19–20.

Крюгер Ф. Портрет императрицы Александры Феодоровны. 1836 г. ГЭ

К началу 1826 года в Императорском Кабинете количество всевозможных вещей, предназначенных на подарки, составило сумму 2 228 282 рубля. Однако коронация требовала как больших пожалований, так, соответственно, и больших затрат. Только за первый квартал знаменательного года «ювелирам за работу и за купленные у них и у разных людей бриллиан-

товые и другие вещи» причиталось 537 878 рублей 50 копеек.⁸ Но это и не удивительно. Ведь всего за 1826 год было роздано драгоценных подарков на сумму 2 550 602 рубля, из них членам императорской фамилии – на 241 596 рублей.

Крюгер Ф. Портрет императора Николая I. 1836 г. ГЭ

⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3943. Л. 211 об.-212.

Однако блеск петербургского Двора и славу о щедрости монарха требовалось поддерживать и дальше. Например, за 1834 год истратили на подарки 2 097 355 рублей, хотя из этой суммы доля членов императорской фамилии «лишь» 65 390 рублей.⁹

Чтобы ещё больше порадовать сердца верноподданных царской милостью, 31 августа 1826 года, на радостях от благополучно прошедшей коронации, Николай I отменил 10 %-ное отчисление с подарочных вещей, шедшее на образование капитала для увечных воинов. Сумма там накопилась уже довольно значительная, и теперь «начиная уже с 1 числа сего апреля» не подлежало делать «никакого вычета и со всех бриллиантовых, золотых и прочих вещей, жалюемых из Кабинета, до какой бы цены оные не простирались».¹⁰

Николай I не преминул сразу по воцарении внести изменения в Положение о придворных ведомствах.

В день коронации, 22 августа 1826 года, новый самодержец обнародовал указ о создании Министерства Императорского Двора, объединившего разные учреждения в одно целое. Отныне все они, включая Театральную дирекцию, оказались подчинены новому ведомству, возглавляемому князем Петром Михайловичем Волконским. Таким образом, долголетний сподвижник Александра I стал доверенным сановником при его венценосном преемнике и вплоть до своей смерти в 1852 году обладал огромными полномочиями: он совмещал посты министра Императорского Двора и министра Департамента уделов, оставаясь управляющим Кабинетом. Он подчинялся только императору, все повеления получал исключительно от него и отчитывался перед монархом. Неслучайно о полномочиях доверенного лица в указе о создании столь привилегированного министерства было подчёркнуто, что кто-либо «никакого отчёта по делам, вверяемым его распоряжению, требовать и предписаний по оному чинить право не имеет».¹¹

Итак, отныне Кабинет Его Императорского Величества стал лишь составной частью учреждённого Николаем I Министерства Двора. Если при Александре I придворная Алмазная мастерская считалась третьим, а с 1819 года стала вторым отделением Кабинета, где по штату кроме канцелярского персонала предусматривались состоящие во «втором столе», занимающиеся дорогими подарками, два оценщика: Георг-Фридрих Мерц и Иоганн Яннаш, то теперь уже его второе, названное Камеральным, отделение заведовало делами о драгоценных предметах, исполняемых «для комнаты», то есть непосредственно для членов императорской семьи.

Сравнительная простота, царившая при дворе Александра Благословенного, уступила при Николае I место роскоши и блеску. Заезжая англичанка никак не могла понять, как это «русские дамы тратят на платья от 400–500 фунтов стерлингов в год», что, тем не менее, считается умеренным; «франтихи тратят гораздо больше», а девицы носят «всегда много драгоценных камней», да и подарок французскому посланнику – «пара пистолетов тульского изделия, осыпанных бриллиантами», – отличался баснословной стоимостью в 6000 фунтов стерлингов.¹²

Жившие в 1830-х годах современники отмечали: «Бриллианты и дорогие камни были еще недавно в низкой цене. Нынче бриллианты опять возвысились. Их требуют в Кабинет». О причине перемен рассказывали занимательную байку, что якобы это произошло, когда Николай I приказал министру Двора князю П.М. Волконскому принести самую дорогую табакерку. Он принёс. Неожиданно государь пожаловал принесенную табакерку ему самому. Скуповатому министру стало обидно, что он так «обмишурился», полученный подарок стоил «только»

⁹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора. М., 1990. С. 40. (Далее – Тютчева, При дворе двух императоров.)

¹⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3943. Л. 331.

¹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3943. Л. 338.

¹² Шильдер Н. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1997. С. 160–161. (Далее – Шильдер, Император Николай... кн. 1.)

9 тысяч рублей, а потому на всякий случай князь стал закупать в Камеральное отделение табакерки ценой (из-за бриллиантов) до 60 тысяч рублей.¹³

Во время восстания декабристов супругу Николая I столь сильно напугало случившееся, что у неё на всю жизнь осталось нервное подёргивание головы. Этот недостаток императрица Александра Феодоровна пыталась затушевать изобилием ослепительно сверкавших алмазов и прочих драгоценных камней. Да и её августейший супруг видел в ней «прелестную птичку, которую он держал взаперти в золотой и украшенной драгоценными камнями клетке»,¹⁴ развлекая всевозможными блестящими безделушками. Теперь дни некогда скромной прусской королевны сливались в непрерывный калейдоскоп развлекательных зрелищ и феерических балов, оживляемых переливчатым блеском бриллиантов и жемчугов, сверканием драгоценностей, так изящно сочетающихся с шёлком и кружевами изысканных нарядов, с пьянящим ароматом и красотой цветов. Такая роскошь поневоле бросалась в глаза и, воспринимаемая современниками образцом придворного вкуса, отразилась в их воспоминаниях.

Высший свет Москвы долго обсуждал, как посетившая Белокаменную в 1831 году государыня «была прелестно одета, вся в белом и залита бриллиантами и бирюзами».¹⁵

Примеру повелительницы последовали верноподданные, с удовольствием соперничая друг с другом в роскоши наряда. Вот и на столичном балу, где «народу была пропасть», одна из красавиц «была одета очень просто: белое креповое платье, даже без гирлянды, а на голове и шее на полмиллиона бриллиантов».¹⁶

Мода на подражание временам древнего императорского Рима постепенно уходила в прошлое. Ещё во второй половине «осмнадцатого» века европейские аристократы стали обращаться к древним преданиям своей страны. Англичане ценили время Тюдоров. Екатерина II считала исконными древнерусскими соборы, стены и башни Московского Кремля. Во время Французской революции отправляют на гильотину королевскую чету и аристократов, а освободившийся Лувр отдают под музей, куда со всей страны стекаются древности, достойные внимания всех слоев общества. После разгрома Наполеона освободившиеся от его нашествия народы многих стран с возросшим воодушевлением обращаются к собственной истории. Сплотившись в едином порыве во время освободительной борьбы против иноземных захватчиков, они почувствовали себя нациями.

Необычайной популярностью стали пользоваться исторические романы, особенно Вальтера Скотта. Читатели модных «готических» романов представляли себя героями минувших дней, рыцарями Средневековья, поэтами и философами эпохи Возрождения. В начале XIX века времена крестовых походов, когда монархи европейских королевств объединялись для освобождения Гроба Господня в Иерусалиме, любили сравнивать с союзом России, Пруссии, Австрии и Англии против Наполеона. Поскольку «историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло во все сферы современного сознания», то и «само искусство сделалось теперь преимущественно историческим».¹⁷

Возможность заимствования из богатейшего арсенала всего лучшего, что было в различных стилях прошедших эпох, идея свободного выбора и дальнейшего применения в современной жизни, вызвали появление термина «эkleктика», точно и удачно образованного писателем

¹³ Юферов. С. 20.

¹⁴ Петербургская жизнь в 1825–1827 гг. По письмам англичанки – извлечение из «Old days In diplomacy. Recollections of a closed century. By the daughter of Sir Edvard Cromwell Disbrowe. London, 1903» // Русская старина, 1904. Т. 117, январь. С. 198, 200, 202.

¹⁵ Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русский Архив, 1904. Кн. 1. С. 436. Письмо от 8 января 1835 г.

¹⁶ Из писем А.Я. Булгакова к его брату // Русский Архив, 1902, кн. 1. С. 106. Письмо от 21 октября 1831 г. из Москвы.

¹⁷ Лонато М.Н. Историзм как художественное явление // Историзм в России. Стиль и эпоха в декоративном искусстве. 1820-е – 1980-е годы: каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 1996. С. 9.

Н. Кукольником от греческого глагола «эклейген», означающего «избирать». Даже участники придворных маскарадов стали появляться в совершенно фантастических одеждах, исполненных в «нужном вкусе». Но не меньшее очарование таила пряная экзотика мавританского Востока, рассказы о баснословных сокровищах раджей Индии, о соблазнительных гаремах турецких султанов и утопающих в неге наслаждений персидских шахов; приковывали внимание древние традиции искусства Китая – все эти настроения и переживания постепенно нашли яркое отражение в литературе, в своеобразии костюмов и причесок, стиле поведения, прикладном искусстве, характере интерьеров, в архитектуре, своеобразии садов и парков, в поисках новой гармонии петербургских ювелиров XIX века.

В дамских нарядах уже начиная с 20-х годов XIX века с обращением к «историческому» костюму входят в моду украшения, некогда запечатлённые искусной кистью художников прошлых веков.

Кокетливые «фероньерки» обязаны своим названием хранящейся в Лувре картине, приписываемой кисти то Леонардо да Винчи, то Больтраффио и имеющей название «La Belle Ferronnière», поскольку тогда считалось, что изображённая на портрете дама – отнюдь не Лукреция Кривели, фаворитка герцога Сфорца, а любовница французского короля Франциска I, ненасытного волокиты, прославившегося своими любовными приключениями. Несколько странным прозвищем «Прекрасная Ферроньера», по-видимому, обязана своему мужу, парижскому адвокату Жану Феррону. Поговаривали, что прелестница во время первого свидания с королём настолько возмутилась слишком предприимчивым поведением монарха, что у неё лопнула жилка на лбу, а поэтому пришлось на следующий день прикрыть кровоподтёк подаренным самоцветом.¹⁸ Потому-то художник и запечатлел спущенную на лоб красавицы повязку-цепочку, украшенную в центре драгоценным камнем, отчего подобное украшение и стало называться «фероньеркой» (франц. «la ferronnière»).

Кто хорошо знал эту гривуазную историю, на ушко шептали друг другу, каким образом муж восхитительной длинноногой синеглазой брюнетки хитроумно отомстил венценосному обидчику за поруганную честь. Адвокат Феррон специально ходил по всевозможным злачным местам, чтобы подцепить страшную «неаполитанскую болезнь», беспощадно приводящую к разрушению заражённого тела, в чем он и преуспел. Заметим, что парижане впервые столкнулись со столь «гнусным и зловонным» заболеванием, перешедшим в эпидемию, в 1496 году. От заражённой собственным мужем Прекрасной Фероньерки болезнь перешла к любвеобильному Франциску I, вскоре отдавшему Богу душу в 1547 году. Правда, ещё в 1512 году, будучи только наследником французского престола, чересчур ценивший радости Венеры принц Франсуа Ангулемский успел переболеть сифилисом, о чём горестно упоминала в своём дневнике Луиза Савойская, напрасно старавшаяся отучить сына «от идиотской тяги к постели».¹⁹

Фероньерки придавали юным лицам таинственную загадочность и невольно приковывали внимание к глазам чаровниц. Жемчужная «капелька» на лбу оборотворительной жены А.С. Пушкина, Наталии Гончаровой, запечатлённая искусной кистью А.П. Брюллова, придаёт особое очарование нежному облику восхитительной красавицы и сразу заставляет вспомнить слова великого поэта: «Чистейшей прелести чистейший образец».

Характерным украшением для 1820-1840-х годов стала «сенсесиль» (франц. «la S-te Cécile»), заимствованная с изображения Св. Цецилии, целомудренной девы-мученицы, чьё нетленное тело случайно обнаружили в Риме в 1599 году при обновлении старинной подземной

¹⁸ Бретон Г. От Анны де Боже до Марии Туше. Т. 1–10. Т. 2. М., 1993. С. 225, примечание 139 на С. 324; Забозлаева Т. В. Драгоценности в русской культуре XVIII–XX веков: словарь. История. Терминология. Предметный мир. СПб., 2003. С. 397–400. (Далее – Забозлаева); Ювелирные изделия: Иллюстрированный типологический словарь / авт.-сост. Р.А. Ванюшова, Б.Г. Ванюшов. СПб., 2000. С. 110. (Далее – Ванюшова.)

¹⁹ Бретон Г. От Анны де Боже до Марии Туше. Т. 1–10. Т. 2. М., 1993. С. 67, 96, 225–226, 324 (примечание 140); Бретон Г. Истории любви в истории Франции. Т. 1–10. М., 1993. Т. 2. С. 517–518.

часовни, носящей имя святой. Христианская легенда рассказывала богомольцам о прекрасной деве, жившей в III веке. Повинуясь воле отца, Цецилия вышла замуж, но желала остаться верной Жениху Небесному. Её горячие мольбы тронули сердце супруга: Валерий согласился на судьбу номинального мужа, если воочию увидит ангела-хранителя своей жены. Вдруг в доме раздалась прекрасная музыка, а воздух наполнился дивным ароматом. Небесный гость принёс с собой два красивейших венка: лилии предназначались Цецилии, розы – Валериану. Благословенная чета вскоре претерпела мученичество за верность запрещённой и преследуемой вере в Христа.

Святая Цецилия, при жизни слышавшая пленительные божественные звуки невидимых небесных инструментов, стала почитаться христианской церковью покровительницей музыки и музыкантов, а в 1584 году её провозгласили патронессой Римской Академии музыки. На полотнах художников святая Цецилия – это прекрасная, увенчанная лилиями и розами юная дева, играющая на арфе или органе,²⁰ причём со временем всё чаще цветочный венок уступал место золотому венчику-обручу в виде нимба, то совершенно гладкому, то украшенному драгоценными камнями.

Сен-сесили становятся настолько модными в 1830-е годы, что Н.С. Лесков в рассказе «Тупейный художник», повествуя об ужасах крепостного права, описывает, как сластолюбивый барин требует от своего холопа-парикмахера по заведённому порядку убрать очередную жертву перед тем, как её вести в господские покои, «в невинном виде святою Цецилией», и, соответственно, голову девушки «причесать в невинный фасон, как на картинах обозначено у святой Цецилии, и тоненький венец обручиком закрепить...».

Супруга Николая I подарила своей свекрови в день Ангела бирюзовую сен-сесиль (*une S-te Cécile en turquoises*), а через несколько лет владелица отписала сие модное украшение малышке-внучке, великой княжне Александре Николаевне. Забавно, но чиновник, не искушённый в тайнах дамского наряда, посчитал, что речь в духовной императрицы Марии Феодоровны идёт об иконе некоей святой, и под его пером французская «сен-сесиль» при переводе на русский язык превратилась в «образ св. Сицилии».²¹

В это же время появляются и «севинье» («la Sévigné») – сложные, похожие на бант, броши, напоминающие ту (откуда и название), что виднелась на портретах жившей в XVII веке маркизы Севинье, прославившейся своими интереснейшими письмами. Подобную брошь, дополненную непременно подвеской, украшали три очень крупных камня, причём два из них помещали по сторонам, а третий – между ними. Обычно этот солитер находился со своими «соседями» на одной прямой, хотя мог смещаться выше или ниже. Однако из-за схожести названий возникала путаница, и подчас «севинье» именовали «сен-сесилью».

Любительницей придумывания новых нарядов была супруга Николая I. Так, для всех дам царской семьи ею был создан семейный костюм «в готическом вкусе», напоминающий о счастливых временах прекрасных дам и верных рыцарей «без страха и упрёка». Причёску же августейших особ украшала несколько изменённая сен-сесиль, поскольку «к золотому обручу, окружавшему косу, был добавлен второй, также в пол-вершка ширины» (=2,2 см. – Л. К.), «носившийся на лбу у самых волос».²²

Примеру императрицы следовали и дочери. Ольга Николаевна вспоминала: «Промышленность начинала развиваться, пробовали торговать своими товарами. Папа всячески поддерживал промышленников, как, например, некоего Рогожина, который изготовлял тафту и бархат. Ему мы обязаны своими первыми бархатными платьями, которые мы надевали по вос-

²⁰ Апостолос-Каппадона Д. Словарь христианского искусства. Челябинск, 2000. С. 232–233.

²¹ Императрица Мария Феодоровна, материалы к её жизнеописанию // Собственноручные её заметки. 21-го января 1827 г. // Русская старина, 1882. Т. XXXIV. С. 325, 359. (Далее – Завещание-1827.)

²² Ванюшова. С. 21–23.

кресеньям в церковь. Это праздничное одеяние состояло из муслиновой юбки и бархатного корсажа фиолетового цвета. К нему мы надевали нитку жемчуга с кистью, подарок шаха Персидского. Почти всегда мы, сестры, были одинаково одеты, только Мери разрешено было еще прикалывать цветы».²³

А зимой 1843 года на одном из костюмированных балов дочери императора Адими, Ольга и еще несколько барышень появились «в средневековых костюмах из голубого шелка, отделанного горностаем, на голове лента, усеянная камнями, наподобие короны Св. Людовика». Когда же их спрашивали, что это за костюмы, шалуни с апломбом отвечали: «Вы ведь знаете, это костюмы девушек из Дюнкерка!» – «О да, конечно! Известная легенда!». Никто не посмел сознаться, что он ничего не знал об этой легенде, так как её просто не существовало, а милые выдумщицы с удовольствием всех разыграли. Невинное плутовство затейниц заставило августейшего батюшку долго и от души смеяться над простодушными умниками, которые пытались выдавать себя за знатоков истории.²⁴

Отличительной особенностью отрешившихся от мира монахинь ордена францисканцев, славившегося суровой строгостью иноческой жизни, была узловатая верёвка-«корда», которой они подпоясывали свои одеяния-балахоны из грубой шерсти. Из-за этого атрибута остроумные французы прозвали францисканок «кордельерами» («cordelière»), а в эпоху Позднего Возрождения именно так стали именовать витые пояса или толстые шнуры, небрежно обвивавшие гибкие талии красавиц.

Однако, подражая модницам XVI века, мать и супруга русского могущественного самодержца могли позволить себе цепь-«кордельеру», составленную из уподобленных узлам крупных жемчужин. Только теперь концы драгоценной «верёвки» закрепляли на предплечьях изящными пряжками, и жемчужные «чётки» свисали (да не в один, а в три-четыре ряда) тяжёлыми полуовалами почти до колен августейшей особы.²⁵ Светские же бонвиваны не преминули обыграть название модного украшения, французское слово «кордельера» означало также узловатую верёвку для лазания на неприступные вершины. Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала, как девятилетней девочкой стояла возле трона в Георгиевском зале Зимнего дворца, с любопытством разглядывая экзотическое персидское посольство во главе с принцем Хозрев-Мирзой. Не могла она насмотреться и на прекрасные подарки, поднесённые русскому государю: усеянные крупной голубой бирюзой чепраки и сёдла с серебряными стремянами. Но ещё больше приковывали всеобщее внимание роскошные дары супруге Николая I: персидские шали, драгоценные ткани, дивная эмаль, маленькие чашечки для кофе английского вустерского фарфора с портретом бородатого шаха в тяжёлой восточной короне. Да и восхитительный «четырёхрядный жемчуг, который отличался не столько своей безупречностью, сколько длиной», Александра Феодоровна впоследствии «охотно носила его на торжественных приёмах», а потом завещала эту изумительную, почти готовую кордельеру средней дочери Ольге.²⁶ Эти четыре «нитки из 596 жемчужин с бриллиантовыми замочками» стоили тогда 11 388 рублей.²⁷ Да и декольте вдовствующей императрицы Марии Федоровны непременно обвивали сказочно прекрасные «три нитки крупного жемчуга».²⁸

Кстати, в перечни коронных драгоценностей вписано множество баснословной роскоши низок из жемчужин фантастической величины. Тут и двойная нитка из двадцати одного и двадцати трёх перлов, причём каждое зерно весило около четырнадцати с четвертью каратов.²⁹ Да

²³ Сон юности. С. 238.

²⁴ Там же. С. 291.

²⁵ Забозлаева. С. 205–206; Ванюшова. С. 65, 116.

²⁶ Сон юности. С. 194–195.

²⁷ РГИА. Ф. 524. Он. 1. Д. 372. Л. 230 об., № 72.

²⁸ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 154. (Далее – Россет.)

²⁹ РГИА. Ф. 468. Он. 43. Д. 1025, № 310, 311; Д. 1027, № 240.

и «севинье, переделанный к 1 января 1833 года», украшала «жемчужина подвескою продолговатая овальная» в 77 карат, а рядом с ней покоилась в оправе другая, «бутоном», хотя и в два раза меньше, но всё-таки в 38 карат.³⁰

Жаль, что не указана длина каждой из четырёх других «ниток», рассортированных по величине составляющих их камней: в первой насчитывалось тридцать девять чистых жемчужин в 4–5 каратов каждая, во второй – шестьдесят пять, чей вес был в 3–4 карата. Третья была снижена из шестисот сорока восьми перлов, на сей раз от 1½ до 3-х каратов. Наконец, четвертую образовывали самые мелкие двести двадцать шесть зёрен, с массой «только» от 1½ до 1½ каратов каждое. В примечании к описи специально оговаривалось, что все «жемчуги снижены в нескольких нитках, которые иногда перенизываются и потому число зерен в нитках изменяется».³¹ При таком изобилии жемчуга неудивительно часто обновлявшиеся сказочные уборы членов императорской семьи, так как перлы, к сожалению, недолговечны, при старении они теряют свою красоту.

Однажды присутствовавшие на балу данном обер-церемониймейстером Станиславом Потоцким, не могли наглядеться на Елизавету Воронцову в розовом атласном платье и насмотреться на её кордельеру «из самых крупных бриллиантов», ослепительно сверкавших при сложных па мазурки, удивительно легко и с неподражаемым изяществом танцующей графиней с ясновельможным хозяином вечера.³²

Постепенно стали вноситься изменения в эсклаважи, причем новым содержанием наполнилось и само название этого украшения: на смену колье-ошейнику, знаменующему «рабство» у богини Венеры, сначала пришли ожерелья со звеньями, соединяемыми в прихотливом узоре изящными «цепями» в знак обуревающих узников сладостных чувств, а теперь превратившиеся в целую конструкцию, именуемую «сердечной неволей» и на сей раз украшающую не шеи, а руки влюблённых, изнывающих от жестокой страсти. «Дамский журнал» просвещал в 1833 году модниц: «Появился новый род эмалевых браслет. Сии браслеты, богато отделанные, соединяются с кольцом посредством небольшой цепочки, которая движется, извиваясь от кисти руки до одного из пальцев. Отделка цепочки и кольца должна быть в одном роде с браслетами». У некоторых красавиц, гордо демонстрировавших «эсклаважи» поверх перчаток, замок браслета выглядел сердечком, отпираемым маленьким ключиком. Но что говорить о дамах, если даже сам Александр Сергеевич Пушкин надевал (правда, под одежду) на левую руку соединённые друг с другом цепочкой два браслета с зелёной яшмой и какой-то турецкой надписью, причём один обруч располагался над локтем, а другой – у кисти.³³

Чувствительные особы обожали помещать на украшениях всевозможную любовную символику и трогательные девизы. Да и нежная дружба не оставалась забытой. Знаменитая красавица Аврора Карловна Шернваль в день своей свадьбы, в знак расставания с любимой подругой, великой княжной Ольгой Николаевной, подарила той «слезу своего сердца» – «маленькое чёрное эмалевое сердце с бриллиантом».³⁴

Дамы продолжали в избытке унижать свои персты. На безымянном пальце правой руки великой княгини Марии Александровны, супруги престолонаследника, красовалось «множество колец; это были воспоминания её детства, юности, тут были кольца её матери; все недорогие и не имевшие даже особенного наружного достоинства. На левой руке она носила очень толстое обручальное кольцо и другое, такое же толстое, с узорчатою чеканкою, поперечник,

³⁰ Там же, № 279; Д. 1027, № 210.

³¹ Там же. Д. 1025, № 312–315.

³² Россет. С. 176.

³³ *Суслина Е.* Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М., 2003. С. 297–298.

³⁴ Сон юности. С. 222.

такой же толщины, был прикреплен большим рубином. Это – фамильное кольцо, подаренное государем всем членам царской семьи».³⁵

Костюмированные балы становились «гвоздём сезона» во всех европейских городах. Парижане долго вспоминали пышность маскарадов, данных Марией-Каролиной Неаполитанской, вдовой герцога Беррийского и невесткой французского короля Карла X: в 1828 году с большим успехом прошёл «турецкий бал». Спустя год светское общество окунулось во времена Марии Стюарт, королевы Шотландии и Франции, известной дивной красотой и своими злоключениями из-за прав на трон Альбиона, завершившимися казнью в 1587 году по приказу английской монархини Елизаветы I.

Даже обнищавшая Пруссия, ещё до конца не восстановившая финансовую стабильность, смогла позволить себе отличавшееся выдумкой пышное празднество 27 января 1821 года в честь дорогой гостьи, русской великой княгини Александры Фёдоровны, вышедшей замуж за принца богатейшей страны и теперь ненадолго приехавшей к родным. Некогда прусская принцесса Шарлотта не носила ни одного бриллианта в Берлине из-за недостатка средств в казне разорённой при нашествии Наполеона страны. Став же русской великой княгиней, королевна могла удовлетворить любую свою фантазию и поразить окружающих на берлинском празднике баснословно роскошным нарядом.

Потому-то немецкие родственники решили представить в любительском спектакле сказочно богатую Индию во времена правления династии Великих Моголов, обратившись к воспоминаниям французского путешественника Тавернье, с благоговением созерцавшего в 1665 году богатства сокровищницы могущественного правителя Аурангзеба. Невольно вспоминалось, как почти два века спустя, при разграблении Дели Надир-шахом в 1739 году, захватчики вывезли одних только оправленных в золото удивительных рубинов, изумрудов и бриллиантов более пяти тонн, мелких алмазов – до полутонны, а жемчуг и вовсе не стали считать. Вдохновляла и хранящаяся в Дрездене композиция из 123 фигурок из благородных металлов и пяти тысяч самоцветов, выполненных знаменитым ювелиром Иоганном-Мельхиором Динглингером и его братьями, представляющая «Придворный штат в Дели в день рождения Великого Могола Аурангзеба». В день рождения государя виновника торжества помещали на чашу огромных весов, а другую для равновесия заполняли золотыми и серебряными монетами, жемчугом и зерном, – всё это раздавали затем придворным, слугам и беднякам. Придворный ювелир курфюрста саксонского и одновременно короля польского Августа II Сильного старался передать атмосферу диковинного праздника: «роскошные процессии спешащих на аудиенцию к восседающему на знаменитом Павлиньем троне падишаху, ржание красавцев коней и оглушительный рёв слонов, которых время от времени проводили перед государевыми очами, заставляя каждого великана склонять одно колено, задирать хобот и трубным рёвом салютовать повелителю».³⁶

Итак, решено было провести в берлинском королевском замке не просто парад-показ экзотических индийских костюмов, а целое театрализованное действо, взяв за основу поэму «Лалла Рук», творение англичанина Томаса Мура. Быстро сочинили сценарий, заказали известному композитору Гаспаро-Луиджи Спонтини музыку к спектаклю, и работа закипела. 123 участника любительского спектакля усердно зубрили роли индийских и бухарских придворных. Сценографией занимался замечательный архитектор, живописец и театральный декоратор Карл-Фридрих Шинкель, спустя десяток лет создавший проект готической Капел-

³⁵ Яковлева А.И. Воспоминания камер юнгферы императрицы Марии Александровны // Исторический вестник, 1888, февраль. С. 403.

³⁶ Под сенью Павлиньего трона // Живая история Востока: познавательные и занимательные очерки о ярких героях, незабываемых событиях, воинской славе, экзотике и блеске средневекового Востока... М., 1998. С. 323–328; Menzhausen J. Das Grüne Gewölbe. Leipzig, E.A. Seeman Verlag, 1968. S. 108, Kat. 132, 133 (III.).

лы-«Шапели», выстроенной Адамом Менеласом в петергофском парке Александрия – владении Александры Феодоровны, уже ставшей к тому времени императрицей.

Сюжет представления разворачивался стремительно. Бухарский эмир Абдалла решил через Индию направиться в Мекку на поклонение гробу пророка Мухаммеда. Своё государство мудрый старец передал сыну Алирису, а заодно решил сосватать в жёны престолонаследнику прекрасную царевну Лаллу Рук, дочь Ауренгзеба. В Дели высокопоставленные отцы поладили, и «тюльпанолика» красавица (а именно так переводилось её имя) со свитой поехала в Кашмир, где царственную пару соединят узами брака. С замирающим от страха сердцем принцесса пытается представить себе, что за мужа уготовила ей судьба. Царевне всё немило, да ещё несносный камергер Фадладин вечно недоволено брюзжит. К счастью, в свите среди бухарских придворных оказался молодой красавец Фераморз, столь искусно сочиняющий поэтические строфы, что сами герои его прекрасных рассказов зримо разыгрывали свои интересные и занимательные истории. Последнее, четвёртое сказание Фераморз закончил, когда Лалла Рук оказалась на берегу озера, за которым возвышался прекраснейший дворец – конец далёкого пути. Но принцесса вовсе не рада и ещё больше скорбит о своём жестоком уделе выйти замуж за нелюбимого, поскольку теперь в её сердце царит сладкоречивый и нежный Фераморз. Со вздохами несчастная красавица поднимается по высокой лестнице навстречу жениху и видит спускающегося к ней нареченного, как две капли воды похожего на избранника души индийской царевны. Роль Фераморза, оказывается, разыгрывал бухарский эмир Алирис, за время путешествия страстно полюбивший свою суженую.

Естественно, что дочь прусского властелина представляла обворожительную Лаллу Рук. Наряд её был заткан золотом, многочисленные драгоценные камни сверкали на шее, на груди и на руках русской великой княгини Александры Феодоровны, а её кокетливые башмачки были просто унижены изумрудами.³⁷ Восхищение вызвали великолепные жемчуга «индийской принцессы»: с плеч свешивалась ниже пояса четырёхрядная кордельера, ещё четыре нитки отборных перлов сияли на шее красавицы. Пышные локоны ниспадали из-под униженной самоцветами шапочки, отчасти напоминающей великокняжеский венец. Некогда скромная королева Шарлотта теперь смогла преобразиться в возлежавшую на паланкине восточную царевну, всю покрытую розами и бриллиантами, «окружённую многочисленными немецкими кузинами, похожими, скорей, на субреток, с завистью считавших крупные бриллианты и броши своей госпожи».³⁸

Томного поэта Фераморза, преобразившегося в Алирису, молодого повелителя Бухары, сыграл великий князь Николай Павлович, давно увидевший в обожаемой супруге «счастье своей жизни». Брат русского императора Александра I, как, впрочем, и другие дети Павла I и Марии Феодоровны, прекрасно рисовал и поэтому сам продумал костюм Алирису. Ни о каких халатах, одетых один на другой и стянутых объёмным поясом, и речи быть не могло. Бухарский владыка появился в синей черкеске, препоясанной пёстрым жёлто-зелёно-красным шарфом, под которым был пояс с грозным кинжалом, блистающим, как и криво изогнутая изящная сабля, ослепительно искрящимися разноцветными камнями. Другой разноцветный шарф был лихо намотан на шапку. Довершали сие великолепие красные, плотно обтягивающие ноги «бухарского эмира» чулки и жёлтые туфли.³⁹

На празднике присутствовал наставник великой княгини в русском языке Василий Андреевич Жуковский, поражённый не только изысканным зрелищем, но и грацией и очарованием его высокопоставленной ученицы. Поэту-романтику показалось, что та, когда её про-

³⁷ Исторический вестник, 1888, февраль. С. 367.

³⁸ Россет. С. 195–196.

³⁹ *Гоголина И.Б.* Поэма Томаса Мура «Лалла Рук»: к истории костюмированного представления 1821 года в Берлине // Книжные памятники. Авторы, издатели, владельцы: сборник научных статей. СПб., 2004. С. 27–27, 35 (илл.).

несли на паланкине в процессии, провеяла над ним, «как Гений, как сон; этот костюм, эта корона, которые только прибавляли какой-то блеск, какое-то преображение к ежедневному, знакомому». Жуковский никак не мог забыть берлинский праздник, и в его памяти вставала «эта толпа, которая глядела на *одну*: этот блеск и эта пышность для *одной*; торжественный и вместе меланхолический марш; потом пение голосов прекрасных и картины, которые появлялись и пропадали, как привидения, живо трогали, еще живее по отношению к одному, главному, наконец, опять этот марш – с которым все пошло назад, и то же милое прелестное лицо появилось на высоте и пропало в дали – все это вместе имело что-то магическое! Не чувство, не воображение, но душа наслаждалась...» Из-под его пера вылились вдохновенные строки, обращённые к Лалла Рук:

Ах! Не с нами обитает
Гений чистой красоты:
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты.⁴⁰

Даже через двадцать два года Жуковский упомянул незабвенный праздник 1821 года в посвящении к написанной им «индийской» повести «Наль и Дамаянти», адресованном очередной его ученице, юной великой княжне Александре Николаевне, самой младшей дочери «Лаллы Рук».

Теперь берлинцы так называли свою королеву Шарлотту, блеск и богатство костюма в сочетании с её красотой произвели тогда в зале подлинный фурор, а благодаря вдохновенным стихам Жуковского и петербуржцы так стали называть супругу будущего русского самодержца Николая Павловича.

Вот и Александр Сергеевич Пушкин, описывая цвет общества на балу в Аничковом дворце, увековечил в XXVII строфе VIII главы «Евгения Онегина» незабываемое впечатление от появления Лалла Рук «в зале яркой и богатой»:

Когда в умолкший, тесный круг,
Подобна лилии крылатой,
Колеблясь, входит Лалла-Рук.
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою,
И тихо вьется и скользит
Звезда – харита меж харит,
И взор смещенных поколений
Стремится, ревностью горя,
То на неё, то на царя...

Кстати, императрицу Александру Феодоровну ещё с девичьих времён называли также «Белой розой» или «Белым цветком», так как в семье её сравнивали с Бланшефлур – одноимённой нежной и прекрасной героиней, но не французского куртуазного романа «Флуар и Бланшефлор», а «Волшебного кольца» – творения барона Фридриха де ла Мотт Фуке, лишь стилизованного под средневековые сказания. В Потсдамском парке Сан-Суси для приехавшей погостить к родным русской царицы в день её рождения, 13 июля 1829 года, устроили своеоб-

⁴⁰ Письмо В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу от 19/6 февраля 1821 года // Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982. С. 657–675. Глава VIII. Томас Мур и русские писатели XIX века.

разный рыцарский поединок «Турнир Белой Розы», после которого Александра Феодоровна свято сохраняла в петергофском Коттедже дивный серебряный цветок и памятный кубок, исполненные Иоганном-Георгом Хоссауэром, придворным ювелиром прусского короля.⁴¹ А помещённый на рыцарском щите меч в венке из белых роз стал гербом Петергофской Александрии.

⁴¹ Илатовская Т.А., Пахомова-Гёрес В.А. Волшебство Белой Розы. История одного праздника: каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2000. С. 4–28, 96. (Далее – Волшебство Белой Розы.)

И.Г. Хоссауэр. Ветка розы. 1829 г. Серебро. ГМЗ «Петергоф»

Да и в Петербурге высший свет при любящей веселиться августейшей чете то и дело выдумывал очередные костюмированные балы, прихотливо перебирая прошедшие времена и костюмы самых разных стран, причём порой совершенно фантастические.

В 1833 году на масленицу обратились к восхитительной Индии. Маскарад «Магическая лампа» начался в доме князя Петра Михайловича Волконского, а затем участники костюмированного бала переместились в Зимний дворец. «В Концертном зале царской резиденции поставили трон в восточном вкусе и галерею для тех, кто не танцевал. Зал декорировали тканями ярких цветов, кусты и цветы освещались цветными лампами, волшебство этого убранства буквально захватывало дух. <...> Какой блеск, какая роскошь азиатских материй, камней, драгоценностей. Карлик с лампой, горбатый, с громадным носом, был гвоздём вечера». Вначале никто не узнал было в нём Григория Волконского, сына министра двора». ⁴² «Одетый в чародея и неся на голове лампаду», сей загадочный «горбун» торжественно вёл через дворцовые залы блестящую вереницу танцующих церемонный полонез. «За ним шёл так называемый белый кадрили, составленный из восьми фрейлин... На них были белые платья, украшенные голубым атласом и брильянтами, а сзади у каждой висел вуаль из белого крепа. Далее шёл кадрили императрицы... Все были одеты в Индейских платьях. У мужчин были длинные бархатные камзолы и тюрбаны, украшенные брильянтами и белыми перьями. У Воронцова одного было на 1 500 000 алмазов. Но всех превосходила императрица богатством своего наряда. Её один башмак стоит 75 000 рублей. Всё платье было усыпано драгоценными камнями; необыкновенной величины алмазы, яхонты, изумруды украшали её тюрбан, от которого шёл до низу длинный вуаль». ⁴³ Александру Феодоровну сопровождали обе её старшие дочери, Мария и Ольга, «в застегнутых кафтанах, шароварах, в острых туфлях и с тюрбанами на головах».

На «Праздник Боб», устроенный в следующем году в самый канун Крещения, почти все надели наряды галантного XVIII века. Среди нашедших боб в пироге и оттого ставших королём или королевой праздника оказались младшие дети Николая I, «Адини и Кости», явившиеся перед собравшимися «с пудренными волосами и в костюмах прошлой эпохи».

На очередном «бобовом» празднике его участники преобразились в «китайцев». Всех приятно удивило, что «высоко зачёсанные и завязанные на голове волосы очень украшали дам, особенно тех, у кого были неправильные, но выразительные черты лица». Весьма забавно, но никто из присутствовавших на балу так и не смог узнать всецельного русского самодержца в высокопоставленном чиновнике-мандарине с косою на голове, прикрытой презабавной розовой шапочкой, да ещё «с искусственным толстым животом». Проказливая старшая дочь Николая I разыграла вместе с прусским дядюшкой Карлом целую «очаровательную и остроумную пантомиму», протанцевав па-де-де в духе прославленной балерины Тальони, сводившей тогда публику с ума своими незабываемыми па. Китайский костюм очень пришёлся к лицу старой графине Разумовской, оказавшейся Бобовой королевой. Достойную пару ей составил старый граф Пальфи с его смешным трубообразным носом, выделявшимся на вечно красном лице. Сей никогда не унывающий венгерский магнат по прозвищу «Тинцль», завсегдатай бульваров и театральных кулис, ещё со времён Венского конгресса сохранивший не только свои многочисленные знакомства, но также импозантную внешность и великосветские замашки, очень удачно разыграл роль сказочного комичного короля. Да и не удивительно. Весельчак и жуир, вхожий во все аристократические дома, он появлялся на петербургских улицах в любую жару

⁴² Сон юности. С. 206.

⁴³ Письмо графа Иосифа Михайловича Виельгорского к В.А. Жуковскому от 19 февраля 1833 г. из Санкт-Петербурга // Русский Архив, 1902, кн. 2. С. 359.

и мороз всегда с непокрытой головой, «с волосами, зачёсанными ежом», облачённый в экзотическую и живописную мадьярскую одежду.⁴⁴

А иногда экзотические костюмы и не требовались, достаточно было избытка драгоценных украшений на августейших особах. При посещении Одессы царским семейством в 1837 году камня, блиставшие на дамах на балу, и роскошь нарядов были предметом разговоров несколько лет. Про императрицу говорили, что она «в этот день горела в огне бриллиантовом».⁴⁵ Современники, присутствовавшие на балу, заметили, что великая княжна Мария Николаевна, «в лёгком белом платье с бриллиантовой диадемой, была удивительно как хороша». Императрицу же отличало просто фантастическое количество бриллиантов не только в «огромной диадеме, с огромными солитерами на голове», но и на роскошном пунсовом платье, сверху донизу расшитом алмазами. Невольно приковывало внимание ожерелье на шее монархини из жемчужин, «величиною, право, почти с грушу».⁴⁶

О других самоцветах в XIX веке также не забывали. Даже деловитый австрийский канцлер Меттерних, мастер политических интриг, потеряв голову от страсти к красавице графине Саганьской, послал желанной возлюбленной усыпанный драгоценными камнями браслет, объяснив в приложенном письме, что «бриллиант – символ любви, изумруд – лунный камень мужчины, аметист – лунный камень женщины, рубин – символ верности». А в конце не преминул многозначительно напомнить: «Люби и будешь верной».⁴⁷

При Николае I продолжали традицию украшений с зашифрованными надписями из камней. Сам самодержец подарил на серебряную свадьбу супруге ожерелье из 25 отборных бриллиантов, к которым через десять лет на очередную юбилейную годовщину вручил возвратившейся из поездки за границу супруге ещё десять солитеров, стоивших баснословную сумму в 30 625 рублей, вместе с браслетом работы Карла Болина, усеянным диамантами и рубинами.⁴⁸ Каждая же из дочерей в 1842 году получила «счастье», им он вручил «по браслету из синей эмали со словом „bonheur“ в цветных камнях», отделяемых друг от друга жемчужинами. «Такова жизнь, – сказал он, – радость вперемешку со слезами. Эти браслеты вы должны носить на семейных торжествах».⁴⁹ «Фамильный» браслет «шириной $\frac{1}{2}$ вершка (=2,22 см) состоял из разных драгоценных камней в форме параллелограммов одинаковой величины; каждый камень был оправлен отдельно и мог быть отстёгнут от другого».⁵⁰

Все же семеро детей императрицы Александры Феодоровны тогда поднесли матери браслет с семью сердечками, из драгоценных камней, которые составляли слово «respect»,⁵¹ чтобы показать, как они её почитают. Скорее всего, ослепительную череду самоцветов начинали алый рубин (Rubis), травянисто-зелёный изумруд (Emeraude), лазурный сапфир (Saphir), далее выделялся своим цветом, напоминающим только что проклюнувшиеся из почек листочки, перидот (Peridote) (современное название хризолит-оливин. – Прим. Н. Боровковой), контрастирующий с насыщенными оттенками летней листвы другого смарагда (Emeraude) и тоном незре-

⁴⁴ Сон юности. С. 206, 211, 225–226; *Меншикова М.А.* Китайский маскарад 1837 года // 250 историй про Эрмитаж. «Собрание пестрых глав...». Кн. 1–3. СПб., 2014. Кн. 1. С. 253–257.

⁴⁵ Дорожные письма С.А. Юрьевича во время путешествия по России цесаревича Александра в 1837 г. // Русский Архив, 1887, кн. 2, вып. 6. С. 178, письмо из Одессы от 8 сентября 1837 г.

⁴⁶ Там же. С. 181, письмо от 9 сентября 1837 г.

⁴⁷ *Шедивы Я.* Меттерних против Наполеона. М., 1991. С. 247–248. Может быть, надо читать: «будь верной».

⁴⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 981. Л. 1.

⁴⁹ Сон юности. С. 288.

⁵⁰ *Яковлева А.И. (урожд. Утермарк).* Воспоминания бывшей камерюнгферы императрицы Марии Александровны // Русские императоры, немецкие принцессы: династические связи, человеческие судьбы. М., 2002. С. 302. (Далее – Яковлева, Воспоминания бывшей камерюнгферы.)

⁵¹ Сон юности. С. 288.

лого яблока, отличающего хризопраз (Chrisoprase). Завершало же «довольно пёструю компанию избранных минералов» сердечко из золотистого топаза (Topaze).

Загадочный язык камней как в николаевскую эпоху, так и позже становится популярным и в других слоях общества. Александр Дюма-отец, побывавший в России в 1858 году, описывая свои путевые впечатления, не удержался и заметил, что русские люди очень любят «говорящие кольца», «это изысканная форма выражения чувств, почти что неизвестная у нас. По расположению камней и первым буквам их названий можно прочесть в кольце имя дорогого вашей памяти человека». А далее знаменитый романист пояснял: «Предположим, его зовут Ганс – вы записываете его имя с помощью гиацинта, аметиста, нефрита и сапфира. Составьте начальные буквы названия этих камней», то есть: Hyacinthe, Améthyste, Néphrite, Saphir, а в результате и по-французски, и по-немецки получится нужное: Hans.⁵²

Кстати, москвичи тоже не отставали от моды. Когда в Первопрестольную приехала знаменитая балерина Фанни Эльслер, то благодарные зрители преподнесли чаровнице на её бенефис 2 марта 1851 года ветку камелий с калачом, знаменовавшим собой «хлеб-соль». В калаче же таился браслет с шестью драгоценными камнями: малахитом, опалом, сапфиром, аметистом и двумя гранатами, которые составляли слово «Москва».⁵³ Самое забавное, что имя Белокаменной можно прочесть как на русском, так и на немецком языках, особенно если учитывать, что прославленная артистка была австрийской подданной. Чтение же в обоих случаях обеспечивали гранаты, один из которых наверняка был травянистого цвета. Название Первопрестольной по-русски давала цепочка: Малахит, Опал, Сапфир, красный гранат-Карбункул, зелёный гранат-Вениса, Аметист. Немецкое же слово «Moskau» составлялось из: Malachit, Opal, Saphir, Karfunkelstein (красный гранат), Amethyst, Uvarovit (зелёный гранат).

Традиция дарить близким табакерки с понятными лишь им акрограммами из камней сохранилась и во времена Александра II. В одном частном собрании Северной столицы мне довелось увидеть подобную вещь.

Сама золотая коробочка, похоже, исполнена в немецком городе Ганау Гессен-Дармштадтского герцогства, на ювелирной фабрике «К.М. Вейсхаупт и сыновья», особенно прославившейся в третьей четверти XIX века золотыми табакерками в стиле предыдущего галантного столетия. Основатель предприятия, Карл-Мартин Вейсхаупт (Carl-Martin Weishaupt), происходил из династии мюнхенских серебряников, продолжавших в родном городе дело предков вплоть до середины XX века.⁵⁴ В окружённом алмазным ободком овале на фоне синей, кажущейся муаровой, «королевской» эмали красовался усыпанный бриллиантами вензель «А» под короной цесаревича Александра Николаевича. С обеих сторон по триаде самоцветов. Слева сверкали два сапфира (Saphir), а между ними сиял тоже синий камень, явно заменивший какой-то другой самоцвет. Справа же, между очень похожим на сапфир кордиеритом (Cordierite) и интенсивно-голубым аквамаринном (Aigue-Marine), краснел то ли гиацинт (Hyacinthe), то ли, скорее, гранат-гессонит (Hessonite). Из первых букв названий камней, если начинать с нижней вставки слева, по дуге-«подкове» складывалось: S?SCHA. Похоже, что зашифрованное слово – не что иное, как «Саша», то есть написанный по-немецки уменьшительный вариант имени «Александр». Значит, заменённый камень в первой триаде не только должен был для симметрии быть тоже подобного красного цвета, но и наименование его начиналось с «А». Это мог быть аметист (Améthyste), но, скорее всего, то был александрит (Alexandrite), найденный фин-

⁵² Дюма Александр (отец). Путевые впечатления в России: сочинения в 3 т. М., 1993. Т. 3. С. 35. (Далее – Дюма-отец. Путевые впечатления.)

⁵³ Фанни Эльслер. (Новости и мелочи) // Исторический вестник, 1910, август. С. 697; Кузнецова Л.К. Курьёзный язык камней знатоков минералогии // Курьёз в искусстве и искусство курьёза: материалы XIV Царскосельской научной конференции. СПб., 2008. С. 240–241.

⁵⁴ Thieme 17.; Becker F. Allgemeines Lexikon von der Antike bis zur Gegenwart. Band 35 (Waage-Wilhelmson). Leipzig: Verlag von E.A. Seemann, 1942. S. 316–317.

ским минералогом Нильсом-Густавом Норденшильдом 17 апреля 1834 года, в день совершеннолетия будущего Александра II и оттого названный в честь цесаревича. И надпись из камней должна читаться: SASCHA, а произноситься «Саша», так как немецкое буквосочетание SCH даёт именно русскую букву «ш». Столь фамильярно подписался наследник русского престола. Кстати, после убийства 1 марта 1881 года императора Александра Николаевича народовольцами вошло в моду носить перстни с александритом между двух бриллиантов, олицетворявшие самого самодержца-мученика и два блестящих деяния его царствования: освобождение крестьян от крепостного права и учреждение нового судопроизводства.⁵⁵

Правда, пока совершенно не известен владелец таинственной табакерки, но, может быть, последующим исследователям удастся раскрыть этот секрет. Рокайли свидетельствуют о времени второго рококо, так ярко проявившегося в 1840–1850-е годы. Табакерка заставляет вспомнить о невесте русского престолонаследника, обретенной именно в Гессен-Дармштадтском герцогстве в 1839 году. Вероятно, табакерка была приобретена в Ганау, а затем в Петербурге дополнена разноцветными камнями, образующими акрограмму. Однако отсутствие в шифре-вензеле Александра того же рисунка, что и последующие буквы «А», но без цифры «II», – всё, как и уменьшительно-ласкательный вариант имени «SASCHA», говорит о том, что табакерка была подарена наследником престола, то есть до 1855 года.

Сама она не только по своей форме, но и по расположению на крышке шести драгоценных камней очень похожа на золотую табакерку, пожалованную в 1856 году ставшим уже к тому времени императором Александром Николаевичем Андреасу Доннеру за заслуги в Крымской войне. Вероятно, вторая вещь также вышла из стен фирмы «Вейсхаупт и сыновья» в Ганау, однако на сей раз алмазную монограмму императора на крышке окружают только крупные диаманты.⁵⁶ То, что при русском Дворе использовали работы иноземных ювелиров, совсем не удивительно. В августе 1813 года, когда шла кровопролитная война с Наполеоном на немецких землях, обер-гофмаршал граф Толстой приобрёл у «прусского ювелира Жордана и компании восемь золотых табакерок за 348 червонных», поскольку Александр I распорядился «покупать на счёт Кабинета» именно такие вещи, причём «сколько оных нужно».⁵⁷

Интересно, что при петербургском Дворе излюбленной формой жалованных табакерок был прямоугольник со срезанными углами, центр акцентировал медальон с портретом или «вензелевым именем» августейших дарителей, а по бокам располагались шесть драгоценных камней, по три с каждой стороны. Именно так выглядит строгих классических очертаний награда, данная в 1819 году вдовствующей императрицей Марией Феодоровной ментору её младшего сына Михаила, Ивану Фёдоровичу Паскевичу.⁵⁸ А золотую табакерку с эмалью, презентованную около 1876 года Александром II известному финскому поэту Йохану-Людвигу Рунебергу, хотя и отличают «капризные» изгибы корпуса, характерные для стиля рококо, но зато шесть алмазов её декора сияют на своих привычных местах.⁵⁹

⁵⁵ Николаев С.М. Камни. Мифы, легенды, суеверия. Новосибирск, 1995. С. 79.

⁵⁶ Хельсинки, Национальный музей. См.: Tillander-Godenhielm 17. *Jewels from Imperial St. Petersburg. St.-Petersburg: Liki Rossii*, 2012. P. 141 (Возможно, С.М. Weishaupt Söhne, Hanau, c. 1856) (Далее – Tillander-Godenhielm); Татищев С. Император Александр II // Русский биографический словарь. Т. I. СПб., 1896. С. 443–450. (Далее – Татищев, Александр II.)

⁵⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 194. Л. 72–72 об.

⁵⁸ Государственный Эрмитаж. См.: Кузнецова Л.К. Петербургские ювелиры XIX века. Дней Александровых прекрасное начало. М.; СПб., 2012. Илл. 28. (Далее – Кузнецова, Дней Александровых...)

⁵⁹ Tillander-Godenhielm. P. 125.

Глава II

Ювелиры братья Барбе

Петербургские мастера, братья Барбе, были уроженцами г. Франкенталя близ Франкфурта-на-Майне. Сначала в 1794 году в Северной Пальмире появился младший, совсем ещё подросток, Иоганн-Христиан, который родился 27 февраля 1780 года. Четырнадцатилетний мальчик смог устроиться в ученики к галантерейному мастеру Августу-Вильгельму Рейнгардту. Юноше так понравилось в Петербурге, что он вызвал в столицу Российской империи своего старшего брата. Карл-Хелфрид Барбе (1777 – после 1832) уже через год присоединился к Иоганну-Христиану, чтобы вместе постигать сложное ремесло. Оба талантливых брата в 1799 году получили статус подмастерьев. Однако Иоганн-Христиан Барбе уже в 1804 году стал успешным галантерейным мастером столичного иностранного цеха ювелиров. Он не страдал отсутствием клиентов, что позволило довольно быстро стать богатым человеком. Во всяком случае, с 1820-х и вплоть до 1870-х годов «золотых дел мастеру Ивану Барбе» и его наследникам принадлежал дом на Большой Морской (№ 15), на месте которого в 1914 году поднялось возведённое архитектором М.М. Перетятковичем здание Русского торгово-промышленного банка.⁶⁰ Скончался Иоганн-Христиан Барбе 12 января 1843 года, причём вдова его, урождённая Шарлотта-Амалия Александр (1798–1873), пережила своего мужа на три десятка лет.⁶¹

⁶⁰ Бройтман А.И., Краснова Е.И. Большая Морская улица. СПб., 1996. С. 80. (Далее – Бройтман, Краснова, Большая Морская...)

⁶¹ *Bäcksbacka L.* St. Petersburgs juvelerare, guld-och silversmeder. 1716–1870. Helsingfors. 1951. S. 287, 386. (Далее – *Bäcksbacka.*)

Карл Хелфрид Барбе

Что же касается Карла-Хелфрида Барбе, то он, выдержав положенные испытания, только в 1806 году вступил мастером в столичный иностранный цех, где благополучно числился пять лет, а затем, поменяв подданство на русское, предпочёл стать с 1811 года членом русского серебряного цеха. Поскольку работы Карла-Хелфрида отличались высоким качеством исполнения, то ему часто поручались заказы от Кабинета.⁶² Ведь именно табакерки продолжали оставаться любимым пожалованием – наградой придворному от Высочайшего Двора.

Табакерка цветной эмали

Эпоха, когда нюхательный табак был в моде, ушла в прошлое. Теперь табакерки, всё чаще называемые «шкатулками», становятся, скорее, вожаемой вещью, пополняющей собрания коллекционеров, пленяющихся то изящной формой этих коробочек, то восхитительной чеканкой, то тончайшей гравировкой, то изумительной красоты эмалями, а зачастую и раритетными камнями. Внутри теперь скрывались драгоценности, наборы для шитья, всевозможные шпильки и булавки – короче, всё, что было мило сердцу владелицы.

Некий владелец лавочки, где продавались несессеры и шкатулки, желая привлечь солидных покупателей, решил приманить их «галантерейным» обхождением и знанием французского языка, на коем изъяснялись аристократы. Посему над входом в магазинчик разместила вывеска: «*Marchand de necessaires et chatouilleur de S.M. L'Impératrice des français*», объявляющая на «французско-нижегородском» диалекте, что его хозяин – не кто иной, как «торговец несессерами и шкатульщик Её Величества Императрицы французской». И всё бы ничего. В конце концов, не так уж страшно, что вместо термина «*marchand*» следовало бы употребить слово *fournisseur* – «поставщик». Но парижане, говоря о шкатулках, употребляли слова «*cassette*», «*coffret*» или «*baguier*», совершенно не подозревая, что, оказывается, есть ещё словечко «*chatouille*». Ведь глагол «*chatouiller*» означает «щекотать», и получается, что предприимчивый купчик пышно поименовал себя «щекотальщиком» французской императрицы!⁶³

Вот и золотая, покрытая пестроцветными ромбами табакерка с букетом в овальном медальоне крышки поражает не столько качеством эмали, сколько своеобразным образцом кварца, образующим «бек»-затвор (см. рис. 1 вклейки). Прихотливому порождению природы искусные руки гранильщика придали форму гладко ошлифованного и прекрасно отполированного выпуклого челночка-кабошона. Кажется, что, учитывая царившую тогда любовь к минералогии, и коробочку-то мастер Карл-Хелфрид Барбе исполнил ради выигрышной демонстрации выглядящего единым и оттого столь необычным, наполовину розовым, наполовину жёлтым, прозрачного самоцвета, чей цвет и блеск усиливаются фольгой, выстилающей дно золотого каста и обеспечивающей нужный эффект.⁶⁴ Однако подобное соседство двух разных камней обычно обозначало соединение мужчины и женщины в брачном союзе. Да и цвета самоцветов не случайны: розовый обозначал молодость, любовь и нежность возлюбленной, в золотистый – великолепие, блеск и богатство жениха. К тому же сочетание ярко-красного с интенсивно-жёл-

⁶² Фёлькерзам А.Е. Алфавитный указатель С.-Петербургских золотых и серебряных дел мастеров, ювелиров, гравёров и пр. 1714–1814 / Приложение к журналу «Старые годы». СПб., 1907. С. 4. (Далее – Алфавит); Bruel F.-L. Les orfèvres français à Saint-Petersbourg de 1714 à 1814 // Bulletin de la Société de l'Histoire de l'Art français. Paris, 1908. P. 52 (Далее – Bruel); Bäcksbäck. S. 287, 386.

⁶³ Путевые очерки и воспоминания. Поездка по Франции и Италии: Рукопись из собрания С.Д. Полторацкого // Русская старина, 1892. Т. 75. С. 571–572.

⁶⁴ Государственный Эрмитаж. Костюк О.Г. Петербургские ювелиры XVIII–XIX века: каталог выставки Государственного Эрмитажа. СПб., 2000. С. 106, 90. (Далее – Костюк-2000.)

тым свидетельствовало о полном счастье. Поверхность табакерки как будто покрывает пёстрый восточный ковёр, но те, кто знал тайный язык красок, мог увидеть в различных эмалях благопожелания супружеской чете: карминно-алая сулила здоровье, белая – чистоту и открытость, фиалковая – дружбу и постоянство, а соседство ярко-жёлтой с зелёной говорило о щедрости.⁶⁵

В музее Хиллвуд в Вашингтоне хранится сделанная тем же Карлом-Хелфридом Барбе табакерка, сплошь покрытая ровными рядами кабошонов бирюзы.⁶⁶ Подобное изобилие голубого минерала, составляющего единственный декор коробочки, неудивительно: этот камень считался могущественным оберегом и символом счастливого супружества.

Недаром попутешествовавший по России Александр Дюма-отец подивился, увидев в Москве, как прекрасную бирюзу, «редкость и предмет вечных поисков русских», продавали торговавшие драгоценными камнями «персы и китайцы, в оправках и без, если в оправках, то, как правило, серебряных», причём «чем больше напоминает она густую лазурь, тем ценнее». Знаменитый романист даже всерьёз поверил байке, что «если в отсутствие любимого человека бирюза, подаренная им, начнёт терять цвет, значит, человек этот заболел или изменил», и даже описал увиденный им подобный «умерший» камень, из небесно-голубого превратившийся в мертвенно-зелёный. Въедливый француз с любопытством узнал также, что «бирюза у русских не просто драгоценный камень, она предмет суеверия: друг дарит бирюзу другу, любовник – любовнице, любовница – любовнику, это дар на счастье при разлуке». Но оказывается, главное, бирюза – отличный талисман, тем более могущественный, чем гуще её цвет. Однако Дюма не удержался, чтобы рационально не подытожить: «Уверен, что на бирюзе можно хорошо заработать», купив её в Париже, а затем продав в Золотых рядах в Москве или на Миллионной улице в Петербурге, так как отношение к лазоревому минералу «как к живому и симпатическому камню, удваивает её цену» в обеих российских столицах.⁶⁷

Практичный француз не ошибался. На улицах Северной Пальмиры в первой четверти XIX века часто видели появлявшегося в весьма живописном наряде индуса-ростовщика, промышлявшего и торговлей драгоценными камнями. Богатства не принесли купцу особого счастья: он трагически погиб в Москве, в номерах Черкасского подворья, от руки загадочного, так и оставшегося неизвестным, убийцы, не тронувшего лежащих вокруг сокровищ, зато похитившего векселя некоей графини. Когда несколько лет спустя продавались с аукциона принадлежавшие покойному индийцу редкости, одной только бирюзы раскупили около четырёх пудов. Однако лучшие, высокого качества лазоревые минералы на торгах отсутствовали: они, как объясняли интересовавшимся нужным товаром, куда-то исчезли. Но тайна, как и полагалось, вскоре выплыла на свет. Оказывается, приглашённый оценщик, заботливо и кропотливо просматривавший каждый из мешков с нешлифованными кусками бирюзы, забрал вместо денежной оплаты за свои труды самые редкостные образцы. Живительно, но всё было сделано с ведома квартального надзирателя, совершенно не представлявшего ценность камней весьма непрезентабельного вида. Зато в Татарской слободке хитроумный «эксперт» выстроил себе на полученные барыши около десятка прехорошеньких домов.⁶⁸

Мемориальная табакерка графа И. Ф. Паскевина-Эриванского

Именно Карлу-Хелфриду Барбе доверили исполнить по заказу Двора табакерку для пожалования её графу Ивану Фёдоровичу Паскевичу-Эриванскому в память о кончине вдов-

⁶⁵ Жизнь в свете, дома и при дворе. СПб., 1890. С. 83–85.

⁶⁶ Odom A., Arend L.P. A Taste for Splendor: Russian Imperial and European Treasures from the Hillwood Museum. Alexandria (Virginia), 1998. R 244–245, № 132. (Далее – A Taste.)

⁶⁷ Дюма-отец, Путевые впечатления в России. Т. 3. С. 34–35.

⁶⁸ Пыляев М.И. Замечательные чудачки и оригиналы: очерки. М., 1990. С. 166–167.

ствующей императрицы Марии Феодоровны. Флигель-адъютант императора Павла I и «отец-командир» будущего самодержца Николая Павловича был почти три десятка лет хорошо известен императрице-матери Марии Феодоровне, отнюдь не случайно десятилетие назад доверившей ему воспитание младшего сына, порфирородного великого князя Михаила Павловича, с чем, к её удовольствию, военачальник, снискавший лавры ещё в годы войны с Наполеоном, великолепно справился.

Табакерка снаружи покрыта пластинками перламутра, так как слово «Perlmutter» в немецком языке обозначает «мать жемчуга», причём слово «перл» употреблялось и в переносном смысле и тогда переводилось как «сокровище» (см. рис. 2 вклейки). Добродетельная супруга Павла I была матерью десяти детей, а два её сына взойшли на русский престол. К тому же, по древнему обычаю, французские королевы во время траура облекались во всё белое, а поэтому традиционная «печальная» чёрная эмаль узенькой полоской окантовывает лишь рёбра коробочки. На крышке табакерки прорисована золотая арка готического храма с пьедесталом с инициалом «М» и ступенями, ведущими к погребальной урне, выполненной из стекла и увенчанной императорской короной. Здесь находился локон волос покойной монархини. Надписями на оборотной стороне крышки табакерки были увековечены «печальные числа»: «24 октября 1828 года» и «в 2 часа по полуночи» – день и час смерти императрицы Марии Феодоровны.⁶⁹

⁶⁹ Костюк-2000. С. 104, № 88; Костюк О.Г. Редкости бриллиантовой комнаты // Советский музей, 1991, № 2 (118). С. 57.

Иоганн Христиан Барбе

Золотой кубок – дар кавалергардов генерал-адъютанту графу С.П. Апраксину

Ещё больше повезло в России младшему из братьев, Иоганну-Христиану, обычно ставившему на своих работах подпись: «J.C. Barbé», а на счетах – «JoChBarbe».

Волей судеб сделанный этим петербургским мастером золотой, высотой 34,3 см, кубок в 1965 году оказался в далёкой Америке, будучи куплен у некоей антикварной фирмы госпожой Марджори-Меривезер Пост, владелицей и основательницей частного музея Хиллвуд в столичном Вашингтоне. И как, наверно, удивилась бы экс-супруга американского посла в СССР, если бы узнала, что сия весьма увесистая вещь в 6 фунтов 49 золотников (=2683 г) была в смутное время русской революции и кровавой Гражданской войны предметом гордости и надежды Агафона Карловича Фаберже, до того уважаемого эксперта Бриллиантовой комнаты Зимнего дворца и успешного оценщика Ссудной казны.

Октябрьская революция 1917 года «поставила крест» на существовании знаменитой фирмы отца. Сам Карл Густавович, разом потерявший дело всей своей жизни, покинул голодный Петроград 24 сентября 1918 года. Через два месяца оказались в безопасности его жена и сын Евгений. А в бывшей столице рассыпавшейся Российской империи всю свирепствовал «красный террор». К массовым казням заложников в изобилии добавились участвовавшие регулярные официальные реквизиции частной собственности у «буржуев» и бандитские налёты-«экспроприации». Напрасно Агафон Карлович надеялся, что ему (долго) позволят владеть достаточно прибыльным художественно-антикварным магазином, открывшимся 16/29 июня 1918 года ради поддержки семьи, к счастью, оставшейся в теперь независимой Финляндии. Уже 31 мая 1919 года хозяина арестовали, а через полгода ему наконец-то вынесли «удивительно мягкий» приговор, послав обвинённого «за спекуляцию художественными ценностями» на «общественные принудительные работы до конца гражданской войны». Пока он в полной мере познавал «прелести» тюрьмы, чекисты тщательно, простукав стены и полы, обыскивали не только принадлежавшие Агафону Карловичу жилище, антикварный магазин и дачу в Левашово, но и знаменитый особняк на Большой Морской, 24. Всё более или менее ценное, не говоря уже об обнаруженном в тайниках, тут же конфисковали. В заключении Агафон Фаберже серьёзно заболел тифом, но «нет худа без добра», поскольку именно болезнь спасла беднягу от расстрела. А вскоре правительству потребовались знающие оценщики ювелирных изделий. Потому-то вместо лагеря пришлось столь редкостного специалиста отправить на свободу. 7 октября 1920 года исхудавший и измождённый Агафон Карлович прописался на квартире Марии Алексеевны Борзовой, а через некоторое время вступил с этой бывшей бонной своих детей даже в законный брак по обряду евангелическо-лютеранской церкви. Но тем более следовало исполнить долг перед первой семьёй, с которой сын знаменитого ювелира мечтал опять соединиться при первой же возможности.

На счастье, перед арестом Агафон Фаберже успел спрятать у надёжных друзей несколько драгоценных полотен и большой кубок из золота высокой – 80-й (современной 833-й) пробы. Да и покупатель, с которым тогда почти удалось договориться, подтвердил желание приобрести предлагаемые вещи. К тому же он согласился выложить только за раритетную вещь из благородного металла 100 000 долларов. Агафону Фаберже пришлось поверить на слово, что как только швейцарец Георг Эд. Брёмме, уехавший из Петрограда 21 октября 1920 года, окажется за границей, обязательно и безотлагательно отдаст в устойчивой американской валюте деньги, вырученные за заранее подготовленные сделки, Лидии Александровне Фаберже. Больше Ага-

фон Карлович этого купца, оказавшегося столь непорядочным, не видел, а потом уже от друзей с негодованием узнал, что бессовестный обманщик, оказывается, на всех углах «сожалел», что якобы доверенные ему картины оказались копиями, роскошные бриллианты – фальшивыми камушками, а массивный золотой кубок вдруг превратился в устах вруна в ничего не стоящую «медяшку».

Только в декабре 1927 года многострадальный А.К. Фаберже смог с помощью местных жителей пересечь по льду на финских саночках Финский залив и добраться со второй женой и крошкой-сыном Олегом до спасительных Териок. Золотой же кубок зажил своей жизнью, многократно переходя от очередного маклера в руки следующего владельца, пока не попал в США.

Век назад сию раритетную вещь, судя по надписи на тулове, вручили 25 июня 1833 года офицеры Кавалергардского полка на прощание своему командиру генерал-адъютанту графу Степану Фёдоровичу Апраксину. Тот почти три десятка лет прослужил в этом полку влившись в дружеский коллектив в 1804 году ещё безусым двенадцатилетним юнкером, а потом бок о бок с сотоварищами храбро сражался в битвах при Кульме, Лейпциге, Фер-Шампенуазе и под Парижем. С августа 1824 года Степана Фёдоровича, получившего за боевые заслуги ордена Св. Владимира с бантом и Св. Анны (правда, не высших степеней), назначили командиром полка и не ошиблись в выборе. Граф оказал 14 декабря 1825 года неоценимую поддержку Николаю I, поскольку кавалергарды благодаря Апраксину не только без колебаний присягнули новому императору, но и затем по Высочайшему приказу атаковали восставших на Сенатской площади. На следующий день благодарный монарх произвёл Степана Фёдоровича в генерал-майоры. Теперь же, через два года после успешного подавления Польского восстания граф Апраксин расставался по Высочайшему приказу со своими сотоварищами-подчинёнными, и августейший покровитель сделал заслуженного военачальника командующим Гвардейской Кирасирской дивизией, а вскоре пожаловал любимцу ещё и чин генерал-лейтенанта. Потому-то кубок, по обычаю поднесённый на добрую память благодарными кавалергардами своему покидающему полк командиру, увенчивает форменная шапка императорских кирасир, искусно выполненная мастером И.-Х. Барбе из благородного металла.⁷⁰

Бирюзовый браслет, пожалованный Николаем I великой княгине Марии Павловне на Пасху 1832 года

В начале 1832 года Николай I повелел исполнить для русской великой княгини Марии Павловны, супруги великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского, браслет со своим портретом. Однако почему всемогущий монарх вдруг решил пожаловать родной сестрице столь престижный подарок, вручаемый обычно в знак наивысшего благоволения? В поисках ответа пришлось поломать голову.

Императрица Мария Феодоровна незадолго до смерти, по духовной от 21 января 1827 года, отписала два памятных червонца-дуката с многозначительной надписью: «Wohl dem der an seinen Kindern Freude erlebt» («Благополучие тому, кто испытывает радость за своих детей»), доставшихся ей от матери, именно дорогим Николаю и Марии. Правда, августейшая матушка в 1812 году предназначала одну из монет любимому первенцу Александру «в благодарность за счастье, доставляемое им мне, и в знак моей радости, что он достигнул высшей степени славы как своими военными победами, так и своим нравственным превосходством».

⁷⁰ А Taste. P. 244–245, № 132.; *Одом Э.* Марджори Меривезер Пост открывает русское искусство // Пинакотекa, 1999, № 1–2. С. 38 (илл.), 39, № 14; Фаберже, Т. Агафон Фаберже – антиквар // *Антиквариат*, СПб., 2000, осень (Специальный выпуск журнала «Русский ювелир»). С. 39; Скурлов В.В. Агафон Фаберже в красном Петрограде. СПб., 2012. С. 55–85, 101–103, 151 (прим. 2–9). О Степане Фёдоровиче Апраксине (1792–1862) см.: *Федорченко В.И.* Свита российских императоров. В 2-х кн. Красноярск; М., 2005. Кн. 1. С. 54–55.

Шла тяжёлая кровопролитная Отечественная война, Петербург чуть не оказался в смертельной опасности, но французы не смогли надолго удержаться в спалённой пожарами Москве и вынуждены были спешно покинуть старую столицу, а теперь русские войска громили ослабевшие полчища захватчиков. Старая царица молила Господа Бога о сыне-императоре, «чтобы с каждым днем крепили и развивались Им высокие и прекрасные качества, которыми Он наделил моего сына; чтобы Он даровал ему силу с твёрдостью и достоинством перенести ниспосланное ему испытание и горе; чтобы он, надеясь на Божью помощь, не падал духом, победил бы своих врагов и прославил бы свою державу, так что народ любил бы и благословлял его, называя своего государя Освободителем угнетенных народов. Господь услышал мою мольбу и предчувствие мое сбылось. Надеюсь также на милосердие Божье, что он исполнит и теперешнюю молитву мою, дарует императору силу привести его труд к желаемой цели, чтобы во всех частях администрации водворилось правосудие и любовь к добру, чтобы народ его благоденствовал и был бы так счастлив, как того желает его монарх, и чтобы наконец прекрасное прозвище „Благословенный“ данное ему народом, осталось за ним вовеки».

Теперь, спустя 15 лет, заботливая матушка просила следующего сына-самодержца беречь сей червонец «как фамильную вещь» и искренне желала: «Дай Бог, чтобы на священную особу императора Николая перешли все те благословения, которые я ниспосылала на его брата, дай Бог ему окончить дело, начатое императором Александром, и чтобы он неусыпно заботился о счастье, благоденствии и нравственности своего народа, тогда он будет благословлен Господом точно так же, как и я благословляю его ежедневно, и будет любим своим народом».

Другой же дукав августейшая матушка, помимо драгоценностей, завещала дочери: «любезной Марии, оказавшейся во всех случаях жизни достойной моей любви и заслужившей всеобщее уважение», чтобы «высказать ей еще раз, как я люблю её и как я довольна ею». Конечно же, вдовствующая императрица очень сожалела, что у неё были «только два такие червонца», она желала бы дать счастливую монету-талисман «каждому из моих детей, так как все они одинаково дороги для меня и всех их я одинаково благословляю».⁷¹

Дукат действительно принёс дочери императрицы Марии Феодоровны счастье в детях. Оправдалось предвидение Екатерины II о столь твёрдом характере внучки, что той следовало бы «родиться мальчиком», поскольку «она сущий драгун, ничего не боится, все её склонности и игры мужские», а «любимая её поза – упереться обоими кулаками в бока и так расхаживать».⁷² Отличная шлифовка графиней Шарлоттой Карловной Ливен поведения, манер и характера принцессы превратила Марию в прекрасно воспитанную и чрезвычайно вежливую особу, скорее хорошенькую, нежели красивую. «Она знала, как обращаться с людьми. Ее вежливость по отношению к окружающим, включая самых простых людей, с которыми она встречалась, не знала пределов. Она никогда не забывала поблагодарить за малейшую услугу. Когда она выходила из экипажа, она поворачивалась, чтобы кивком головы поблагодарить кучера, и это было отнюдь не формальностью, а сердечной потребностью. Она всегда думала о тех, кто ей оказывал внимание, чтобы ответить им тем же».⁷³

В 1804 году молодую царевну соединили узами не очень-то равного брака с недалёкого ума великим герцогом Карлом-Фридрихом Саксен-Веймар-Эйзенахским (1783–1853), не случайно прозванным родственниками «Кикерики». В маленьком Веймаре русскую принцессу встретили восторженно, сразу отметив её невыразимое обаяние и умение «соединить прирождённое величие с необыкновенной любезностью, деликатностью и тактом в обращении».⁷⁴ Для Российской империи Мария Павловна (1786–1859) всегда оставалась русской великой кня-

⁷¹ Завещание-1827. С. 319–320, 353–354, раздел 1; с. 329–330, 365–366, раздел 9.

⁷² Письмо Екатерины II к барону Мельхиору Гримму от 18 сентября 1790 г. Цит. по: Данилова, Пять принцесс. С. 163–280 (глава III. Мария).

⁷³ Сон юности. С. 281–282.

⁷⁴ Мнение Виланда цит. по: Данилова, Пять принцесс. С. 191.

гиней, а для новых подданных – герцогиней Саксен-Веймарской. Третья внучка императора Павла I родила мужу двоих сыновей и двух дочерей, Марию-Луизу (1808–1877) и Августу (1811–1889). К великому горю, первенец Пауль-Александр (1805–1806) скончался, прожив всего восемь месяцев. Опустевший отчий престол с 1853 года занял принц Карл-Александр (1818–1900).

Долгое пребывание на троне крошечной европейской страны сделало умную Марию Павловну чересчур прагматичной и практичной. Непременные интриги и нескончаемые сплетни при маленьком Дворе, желание любыми способами быть в курсе всего, что делалось вокруг, привели к тому, что внучка Екатерины II стала считать совершенно нормальным наущничество и соглядатайство. Как же была поражена великая княжна Ольга, когда веймарская тётушка, будучи в Петербурге в гостях, выразила недовольство покаями племянницы: «Неужели у вас здесь нет ни одной комнаты, в которой нельзя было бы подслушивать?» Русская великая княгиня, воспитанная в заветах и правилах православной веры, теперь была готова нарушить строжайшие запреты, лишь бы добиться своей цели. Как ей хотелось женить своего ненаглядного сыночка на одной из дочерей Николая I! И как ей не пытались петербургские родственники напомнить о церковном запрете на браки даже троюродных, Мария Павловна неизменно возражала собеседникам: «Это предрассудки. Это отсталые взгляды».⁷⁵ Предприимчивая тётушка всё-таки соединила сына-престолонаследника узами брака с его кузиной Софией, дочерью самой младшей своей сестры Анны Павловны, голландской королевы.

Что же касается собственных дочерей русской великой княгини, то ещё в 1826 году заботливой мамёнке удалось пристроить старшую, совершенную, но довольно бесцветную красавицу Марию-Луизу (1808–1877) за принца Фридриха-Карла Прусского, брата супруги Николая I. А затем случай помог герцогам Саксен-Веймарским уже во второй раз породниться с династией Гогенцоллернов.

Принц Вильгельм (ставший в конце жизни первым германским императором), второй сын прусского короля Фридриха-Вильгельма III, страстно полюбил княжну Елизавету (или, как её чаще называли родные, Элизу) Радзивилл и, испытывая к ней серьёзное и глубокое чувство, добился помолвки с прелестной девушкой. Та происходила из известной аристократической семьи, обаятельная красавица Барбара из этого прославившегося в истории польско-литовского рода стала в 1547 году законной супругой короля Речи Посполитой Сигизмунда II Августа. Да и мать самой Елизаветы Радзивилл была сестрой принца Луи-Фердинанда Прусского. Влюблённые уже пять лет терпеливо ждали разрешения на брак. Даже отец принца Вильгельма, смилившийся с католическим вероисповеданием невесты, решил похлопотать о её адаптации в члены Гольштейн-Готторпского Дома, чтобы сделать её более равной династии Гогенцоллернов. Миссию обратиться с этим предложением к русскому самодержцу Александру I Фридрих-Вильгельм III возложил на своего зятя, великого князя Николая Павловича, приехавшего в гости. Тот, участвуя в манёврах, проводившихся как в окрестностях столицы Пруссии,⁷⁶ так и в самом Берлине, настолько удачно продемонстрировал великолепную воинскую выправку, что тесть сделал ему подлинно драгоценный подарок.

Став российским императором, Николай I заказал «совершенно модному живописцу» Францу Крюгеру картину, запечатлевшую бы для истории «Парад в Берлине 23 сентября 1824 года на Унтер ден Линден». На датированном 1830 годом полотне художник увековечил эпизод, когда не какой-то там третий сын Павла I, а (хотя это и сохранялось в строгой тайне) грядущий преемник русского трона, горячо приветствуемый берлинцами, торжественно проводит свой Кирасирский Прусский полк перед королевской резиденцией. Ведь ещё за год до достопамятного парада 1824 года император Александр I (Павлович) поделился со своим заду-

⁷⁵ Сон юности. С. 281–282.

⁷⁶ Шильдер, Император Николай... кн. 1. С. 152–153.

шевым другом, прусским принцем Вильгельмом, династическим секретом: следующим на русском престоле будет не Константин, а Николай. Потому-то венценосный тесть и вручил тогда супругу своей горячо любимой дочери столь дорогой подарок – «табакерку из оникса в стиле рокайль», созданную берлинскими искусниками около 1770-го года и некогда принадлежавшую Фридриху II, – чтобы тем самым пожелать великому князю Николаю Павловичу стать таким же славным полководцем, каким был первоначальный владелец табакерки. Полотно Крюгера долго украшало кабинет Николая I, а в 1913 году Николай II Александрович любезную сердцу августейшего прадеда картину подарил внуку прусского принца Вильгельма, германскому императору Вильгельму II, на память о бывших династических связях Романовых и Гогенцоллернов.

Полученную же от тестя табакерку Фридриха Великого, украшенную алмазами и другими драгоценными камнями, которую знаменитый король-солдат «всегда хранил при себе», Николай присоединил к предметам собственной коллекции оружия, размещавшейся в Царско-сельском Арсенале.⁷⁷

Композиция рисунка крышки достопамятной табакерки, выточенной из агата-агатоникса, несомненно, принадлежит руке прославленного Жана-Гийома-Георга Крюгера. «Ювелиры короля» воспользовались редкостным рисунком самого камня, он на срезе напоминает план фортеции с бастионами, из-за чего подобная разновидность так и называется «крепостным агатом» (*Festungsachat*). Сию мощную «крепость», как будто обведённую тройным рядом укреплений, окружает по контуру крышки роскошный венок из пышных садовых цветов, причём крупные бриллианты играют роль лепестков и сердцевинок творений Флоры. Хотя среди алмазов встречаются камни с розовым и желтовато-золотистым нацветом, большинство своей окраской обязано фольге. Нежную гамму их оттенков подчёркивают вкрапления рубинов цвета «голубиной крови» и цепочки густо-зелёных нефритов, образующие фестоны, напоминающие собой гирлянды из лавровых листьев. В декоре прелестной вещицы знатоки символов сразу же улавливали зашифрованный смысл, состоящий в достаточно банальной истине, что мощь государства способствует его процветанию.⁷⁸

Однако император Александр I в 1824 году не внял заступничеству младшего брата и отказался возвысить княжну Елизавету Радзивилл. Влюблённые продолжали покорно ждать решения судьбы. Когда же в один совсем не прекрасный день врачи заявили, что кронпринцесса Елизавета Баварская (1801–1873), с 1823 года ставшая женой кронпринца Фридриха-Вильгельма, никогда не сможет иметь детей, статус принца Вильгельма изменился. Теперь именно к нему должен перейти прусский престол в случае смерти старшего брата. Узнав об этом, король Фридрих Вильгельм III, совершенно не желавший видеть на троне протестантской страны королеву-католичку, после пятилетнего ожидания даты грядущей свадьбы взял обратно своё согласие на брак второго сына с польско-литовской княжной. Вскоре Элиза, зачахнув от тоски и утраченных иллюзий, умерла, а злосчастному Вильгельму, хотя и страдавшему всю оставшуюся жизнь от перенесённого горя, предстояло теперь, ради обеспечения преемственности династии, поскорее жениться без всякой любви на первой же невесте, которую ему предложили.

Вот тут-то и проявила чудеса дипломатии великая княгиня Мария Павловна. Она решила пристроить за другого брата своего зятя младшую принцессу Августу (1811–1890), очень подвижную, притом держащуюся достаточно естественно, прехорошенькую и весьма пикант-

⁷⁷ Государственный Эрмитаж (с 1886 года), инв. № Э-4701; Каталог редкого, старинного и восточного оружия, хранящегося в собственном его императорского величества Арсенале в Царском Селе. В 2-х частях (в одном переплете). СПб., 1840, ч. 1. С. 229, № 65.

⁷⁸ Кузнецова Л.К. Табакерки Фридриха II Великого – знаки берлинских контактов и вояжей престолонаследников // Из века Екатерины Великой: путешествия и путешественники: материалы XIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2007. С. 314–315.

ную девочку с соблазнительными ямочками на щёчках. Конечно же, милая дочь заслуживала лучшей доли, но всё-таки впоследствии, хотя и после смерти заботливой матушки, её прелестную головку украсили сначала королевская, а затем и императорская короны.⁷⁹ Не очень-то радостная свадьба состоялась 11 июня 1829 года. С этого времени прошло около двух лет, а 18 октября 1831 года Августа Саксен-Веймарская осчастливила всю прусскую королевскую фамилию появлением на свет долгожданного мальчика, теперь обеспечившего преемственность династии Гогенцоллернов и ставшего в 1888 году, пусть всего на 99 дней, германским императором Фридрихом III. Да и в Петербурге августейшая чета пришла в восторг от новости о рождении племянника.

Потому-то обрадованный Николай I решил на Пасху, которая в 1832 году приходилась на 10 апреля,⁸⁰ пожаловать любимой сестрице свой портрет, вставленный в золотой браслет, унизанный многочисленными алмазами, бирюзинками и мелким жемчугом. Избранные камни должны были обеспечить владелице супружескую любовь, долголетие и защиту от всего дурного.

14 января 1832 года Николай I повелел Кабинету обеспечить дамское украшение, достойное императорского подарка. В тот же день во 2-е отделение Кабинета был прислан рисунок – овал, окружённый рамкой из бриллиантов. Однако сразу начались затруднения. Готовой миниатюры такого размера с ликом царствующего государя не оказалось. Правда, существовала подобная, исполненная неким художником «Фомой Врейтом», но, к несчастью, только что, 14 января 1832 года, её успели вставить в новёхонькую табакерку. Правда, автограф сего живописца в одной из архивных бумаг завершался подписью: «Wright»,⁸¹ то есть под довольно странным и явно исковерканным именем скрывался англичанин Томас Райт (1792–1849), оказавшийся в России благодаря своему родственнику, художнику Джорджу Доу (1781–1829), работавшему над портретами героев баталий 1812–1814 годов для Военной галереи Зимнего дворца. Ведь супруг Мэри Доу давно зарекомендовал себя отличным гравёром, а в Петербурге он рискнул попробовать свои силы в рисунке акварелью и даже в живописи.⁸²

Вот и было решено: чтобы не портить казённую вещь, «Фома Врейт» должен безотлагательно и «с тщанием» сделать авторское повторение со своей же чрезвычайно удавшейся миниатюры, ибо, начав копировать уже с 15 февраля, «доколе будет находиться браслета в работе, он будет иметь для сего достаточно времени».

Не заладилось и с самим браслетом. Две недели никак не могли в императорском Кабинете исполнить приемлемый эскиз заказанного драгоценного украшения. Наконец, удручённый министр Двора, окончательно потеряв терпение, повелел подчинённым: «Прикажите в Английской лавке и у других ювелиров взять на уговор несколько разных рисунков Браслетов золотых, оправленных мелким Жемчугом и бирюзами, и ко мне представить».

Но ни в «Английском магазине», ни, к сожалению, у других столичных ювелиров не оказалось ничего похожего. Тогда Петр Михайлович Волконский «словесно приказать изволил» заказать петербургскому «золотых дел мастеру Барбе сделать рисунок означенной браслете». Присланный эскиз понравился. И уже 6 февраля (искуснику) исполнителю отпустили из Кабинета «на сделание браслета» просимые им «казённые» бриллианты, жемчуг и бирюзу. Однако небесно-голубого камня не хватило, и через месяц ювелиру Иоганну Христиану Барбе (фамилию коего теперь уже не искажали) выдали затребованные дополнительно 655 штук бадахшанской бирюзы. Барбе также вставил в браслет недостающие, но зато подобранные им самим «собственные» алмазы, огранённые «розой».

⁷⁹ Сон юности. С. 183, 214, 215.

⁸⁰ Хронологический справочник (XIX и XX века) / Сост. М.И. Перпер. Л., 1984. С. 27.

⁸¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 27. Л. 21.

⁸² Андреева Г.Б. Россия в судьбе художников Доу и Томаса Райта // Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев XVII–XIX век: каталог выставки в Государственной Третьяковской галерее. М., 1997. С. 105–109, 264–265.

Между тем императорская чета торопила. Уже 5 марта последовал запрос: «Когда поспеет браслета Великой Княгини Марии Павловны?» Желая подстраховаться, г-н Петухов, начальник отделения Кабинета, прислал мастеру небольшую цидулку: «Покорнейше прошу надписать на этой записке, к каковому времени может быть готова браслета с жемчугами и Бирюзами». Иоганн-Христиан Барбе быстренько приписал: «Сим имею честь вас уведомить, что в течении 18 ден я думаю готовым быть с Браслетом», подписался и уже по-немецки проставил дату: 6 марта 1832.

Обрадованный чиновник тут же настроил письменный отчёт высокому начальству, что «браслета», по отзыву мастера Барбе, «может быть готова через две с половиной недели».

Ювелир не подвёл. 6 апреля он передал в Кабинет счёт на проделанную работу, возвратил туда же неиспользованные камни и вручил начальнику отделения Петухову готовую драгоценную и долгожданную вещь (см. рис. 3 вклейки).

Кабинетские оценщики Яннаш и Ян оценили честность Иоганна Христиана Барбе и отметили умеренность его претензий в стоимости оплаты труда, мастер в представленном счёте оценил свою работу только в 1000 рублей. Небольшое огорчение ожидало мастера при оплате алмазов, огранённых розой и принадлежавших самому Барбе: по распоряжениям от 29 марта и 9 апреля 1830 года из суммы стоимости «частных» камней вычли 10 %. Потому-то вместо ожидаемых 1196 рублей 80 копеек мастер получил лишь 1177 рублей 12 копеек.

И только тут выяснилось, что готовый браслет нельзя посылать сестрице Николая I: министр Двора заметил явное несходство монаршего портрета с чертами лица самодержца. Увы, Томасу Райту с выполнением придворного заказа не повезло. Роковую роль здесь сыграло государево пожелание, переданное в Кабинет министром Двора, князем П.М. Волконским: «Остеречь Райта, чтобы голова у портрета была не так велика, как он сделал на портрете для табакерки 14 января 1832».

Неудачно повторённую миниатюру англичанину возвратили под расписку, а «для оной браслеты портрет Его Величества» по первоначальному портрету работы Райта поручили «точную копию», притом «в том мундире и с лентою, как на оригинале» написать на сей раз «живописцу Вимбергу». «Назначенный в академики» Иван Андреевич Винберг 6 апреля, совсем незадолго до случившегося с родственником Джорджа Доу скандального казуса, представил в Императорский Кабинет чрезвычайно удавшийся портрет императрицы Александры Феодоровны «без короны и без ленты с причёскою в волосах».

Теперь миниатюрист, гордясь оказанным ему Высочайшим доверием, постарался исполнить престижный заказ в самые сжатые сроки: всего за две недели, с 12 по 27 апреля. Со вставкой лика царствующего государя в браслет не задержались, и уже 28 апреля столь долгожданная наградная вещь оказалась наконец-то в руках императора Николая I.⁸³

Дар брата-императора, конечно же, порадовал Марию Павловну и, может быть, даже смог смягчить (чуть притупившееся) горе потери ею 22 марта 1832 года верного друга и советника, знаменитого Иоганна-Вольфганга фон Гёте.

⁸³ РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 27; *Скурлов В.* Браслет с бирюзой и бриллиантами: дело об изготовлении браслета для Ея императорского высочества великой Княгини Марии Павловны (РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 27), 1832 // *Антикварное обозрение*, 2003, № 3. С. 40, илл.; Тилландер-Гуденйелм. Драгоценности Императорского Петербурга. С. 83, илл. (Аукционный Дом Кристи).

Глава III

Завещание императрицы-матери Марии Феодоровны и судьба её драгоценностей

О сапфировом и бирюзовом уборах, диадеме из колосьев, завещанных дочерям, Елене Павловне и Екатерине Павловне

В своём завещании, датированном 1 ноября 1826 года, вдова Павла I заботливо и скрупулёзно перечислила всех, кому она оставляла на память свои драгоценности. Материнское сердце старой императрицы особенно переживало за судьбу внуков, оставшихся сиротами. Особенно беспокоили Марию Феодоровну дети её второй дочери Елены Павловны, вышедшей в 1799 году за герцога Мекленбургского. Разорённое нашествием Наполеона Бонапарта герцогство нуждалось в деньгах.

В IX пункте завещания Мария Феодоровна писала: «Моя корона принадлежит государю. Все же прочие бриллианты мои, жемчуга и драгоценные камни, подаренные мне покойной государыней и покойным императором Павлом, а равно и приобретённые мною лично, исключая тех, которые будут распределены мною по завещанию, должны быть в точности оценены по моей смерти, и затем разделены на четыре равные части, из которых две части принадлежат детям моих дочерей Елены и Екатерины, которые наследуют после своих матерей, а остальные две части моим дочерям Марии и Анне. Всё то, что придётся на долю моим внучатам, принцам Мекленбургским, Ольденбургским и Виртембергским, должно быть продано, а деньги, вырученные с каждой части, следует разделить поровну между наследниками, а именно: часть, принадлежащую моей дочери Елене на две части, а часть дочери моей Екатерины на четыре части, и помещены в кассу воспитательного дома: проценты будут присоединяться к капиталу до совершеннолетия принцев и замужества принцесс; достигнув же совершеннолетия и вступив в брак, они будут пользоваться процентами с этих денег, но самые капиталы останутся в вечное обращение в России. <...> Я желала бы, чтобы император Николай и великий князь Михаил Павлович купили для своих супругов бриллианты, достающиеся на долю моим дочерям Елене и Екатерине, и поэтому желала бы, чтобы на долю великих княгинь Елены и Екатерины Павловны пришлось, по мере возможности, мой сапфировый и бирюзовый убора и моя диадема из колосьев, а из остальных двух частей, достающихся моим дочерям Марии и Анне, каждая закреплена временным завещанием за той линией, которой она принадлежит; они не могут быть ни проданы, ни подарены и перейдут по кончине их старшему принцу, а за отсутствием его, старшей принцессе их дома, причем допускается, разумеется, делать изменения в форме и фасоне их, по личному усмотрению. <...> По смерти всех наследников всех моих дочерей, мои бриллианты достанутся, на тех же условиях, законным наследникам моих сыновей».⁸⁴

Особым пунктом вдовствующая императрица оговорила: «Я желаю, чтобы каждый из моих детей сделал себе кольцо или перстень с моими волосами и с вырезанным на нём числом моей кончины. Надеюсь, что они будут постоянно носить их в память горячо любившей их матери».⁸⁵

⁸⁴ Завещание императрицы Марии Феодоровны, 1-го ноября 1826 года // Исторический вестник, 1882, январь, пункт IX. С. 93–94, 113–115. (Далее – Завещание—1826.)

⁸⁵ Завещание-1826, пункт XII. С. 95, 117.

Бриллиантовая корона Марии Феодоровны, стоившая 48 750 рублей, поступила в Кабинет 22 января 1829 года, чтобы потом, «в своё время», сделать «убор для великой княжны Ольги Николаевны».

Однако дочерям великой княгини Екатерины Павловны от второго брака с вюртембергским королём Фридрихом-Вильгельмом I – ни старшей принцессе Марии-Фредерике-Шарлотте (1816–1887), вышедшей впоследствии замуж за графа Альфреда Нейперга, ни младшей Софии (1818–1877), взойшедшей с мужем Вильгельмом III на трон Нидерландов, – любимая бабушкина диадема, видно, не приглянулась. Зато дивную тиару «из шести колосьев, в середине белой Сапфир и тридцать семь мелких груш Индейской грани» не преминули сразу же присоединить к русским коронным бриллиантам.⁸⁶

А вот детям великой княгини Елены Павловны, великому герцогу Паулю-Фридриху Мекленбург-Шверинскому (1800–1842) и его сестре Марии-Луизе (1803–1862), окончательно осиротевшим ещё в 1819 году после ранней смерти отца, очень нужны были деньги. Потому-то не только сапфировый, рубиновый и бирюзовый гарнитуры скончавшейся русской вдовствующей государыни, но и заботливо ею отписанные внучатам бриллианты, жемчуга и цветные камни, были уже 7 февраля того же 1829 года куплены за 210 830 рублей.⁸⁷

Через полторы недели, 25 февраля все три убора доставили в Императорский Кабинет. Но пролежали они там совсем недолго. Дольше всего среди казённых вещей задержался рубиновый гарнитур супруги Павла I, предназначавшийся одной из дочерей Николая Павловича.

В Рождественские дни, 26 декабря 1829 года, венценосный деверь порадовал великую княгиню Елену Павловну, владелицу Михайловского дворца, получением как «севинье с одной бирюзой» в 650 рублей и пары прелестных серёг с четырьмя бирюзами в 1200 рублей, так и трёх частей склаважа, первоначально составленного из 64-х штук разной величины бирюзы. Оставшиеся другие три части того же склаважа, также оценённые в 8680 рублей, достались за восемь месяцев до того, 20 мая, отроку-цесаревичу Александру Николаевичу.

Интересна дальнейшая история сапфирового гарнитура, оценённого в 140 100 рублей. В него входили диадема, два склаважа, накладка на гребёнку и пара серёг. И все эти украшения заботливый супруг постепенно подарил обожаемой жёнушке. Вначале, на Рождество 1829 года, 24 декабря, Александра Феодоровна получила от мужа «накладку на гребёнку с пятью сапфирами» (7550 р.) и «пару серёг с двумя сапфирами» (6950 р.). В следующем году, в день рождения 1 июля, совпадающий с очередной годовщиной бракосочетания, императрица появилась в только что подаренной «диадеме с пятью сапфирами» (49 000 р.) и «склаваже большом с шестнадцатью сапфирами» (63 400 р.). Наконец на Рождество, 24 декабря 1831 года, «Муффи», как её нежно называл любящий супруг, смогла примерить и оценить красоту последнего предмета драгоценного убора покойной свекрови – ожерелья-«склаважа поменьше с одиннадцатью сапфирами» (12 800 р.).⁸⁸

Прошло тридцать лет. Владелица дивных украшений состарилась, её одолевали хвори и, чувствуя скорую кончину, императрица Александра Феодоровна отписала своей невестке, будущей императрице Марии Александровне, среди прочих вещей «диадему с 5 сапфирами» и «склаваж с 16 сапфирами», прибавив к ним «самый красивый сапфировый фермуар», причем она специально оговорила, чтобы её снохе эти роскошные уборы принадлежали лишь при жизни, а затем отправились бы к коронным драгоценностям.⁸⁹

Как и было предрешиено, в опись коронных бриллиантов, ведущуюся с 1865 года, под № 364 внесли поступившие по духовному завещанию императрицы Марии Александровны

⁸⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1025, № 606.

⁸⁷ Там же. Оп. 5. Д. 230. Л. 6–7 об., №№ 234–238.

⁸⁸ РГИА. Ф. 524. Оп. 1. Д. 372. Л. 2406, 282 (§ 2.2).

⁸⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1027. Л. 31; *Гафифуллин Р.* Корона российских императриц // *Русский антикварь: альманах для любителей искусства и старины.* Вып. 1. М.; СПб., 2002. С. 25–26. (Далее – Гафифуллин, Корона российских императриц.)

«диадему с сафирами и бриллиантами» в 27 100 рублей, под № 365 – «ожерелье с сафирами и бриллиантами» в 39 300 рублей, а под № 366 оказался «фермуар с большим сафиром», оценённый в 88 300 рублей. Все три восхитительные вещи, прельщающие своей красотой, тут же забрала к себе новая императрица Мария Феодоровна, супруга Александра III,⁹⁰ знавшая толк в драгоценностях. После Февральской революции дивные украшения матери Николая II реквизируют из Аничкова дворца. А когда окончилась братоубийственная Гражданская война, эксперты под руководством академика-минералога Александра Евгеньевича Ферсмана наконец-то разобрали великолепные творения ювелиров, принадлежавшие членам августейшей семьи Романовых. Вскоре появились на свет и выпуски каталога предметов Алмазного фонда СССР, содержащие помимо описаний и чёрно-белые фотографии.

Яков Дюваль. Диадема из Сапфирового убора императрицы Марии Феодоровны, супруги Павла I

Соотнеся эти материалы с архивными сведениями, стало ясно, что диадема с пятью сафирами не только принадлежала императрице Марии Феодоровне, но и абсолютно бесспорно входила в состав сапфирового убора супруги Павла I, исполненного для своей патронессы Яковом Дювалем.⁹¹ Завораживающая своей красотой диадема императрицы Марии Феодоровны вся как бы соткана из лавровых ветвей и лент, обвивающих тяжело клонящиеся на стебелях лазоревые цветки, окружившие сверкающий в центре глубокой синевой с чуть заметным зеленоватым прицветом громадный сапфировый панделок в 70 каратов, увенчанный алмазным сердцем, и оттеняемые полоской лазурной эмали на ободке.

⁹⁰ Кузнецова, Дней Александровых... С. 119–120, илл. 17.

⁹¹ Алмазный фонд России, инв. № АФ-67; Сокровища Алмазного фонда СССР: каталог выставки. М., 1975. С. 35, № 99, илл. 46 (вес сапфира = 258,15 кар.). (Далее – Сокровища АФ-1975.). Проданные сокровища... С. 259.

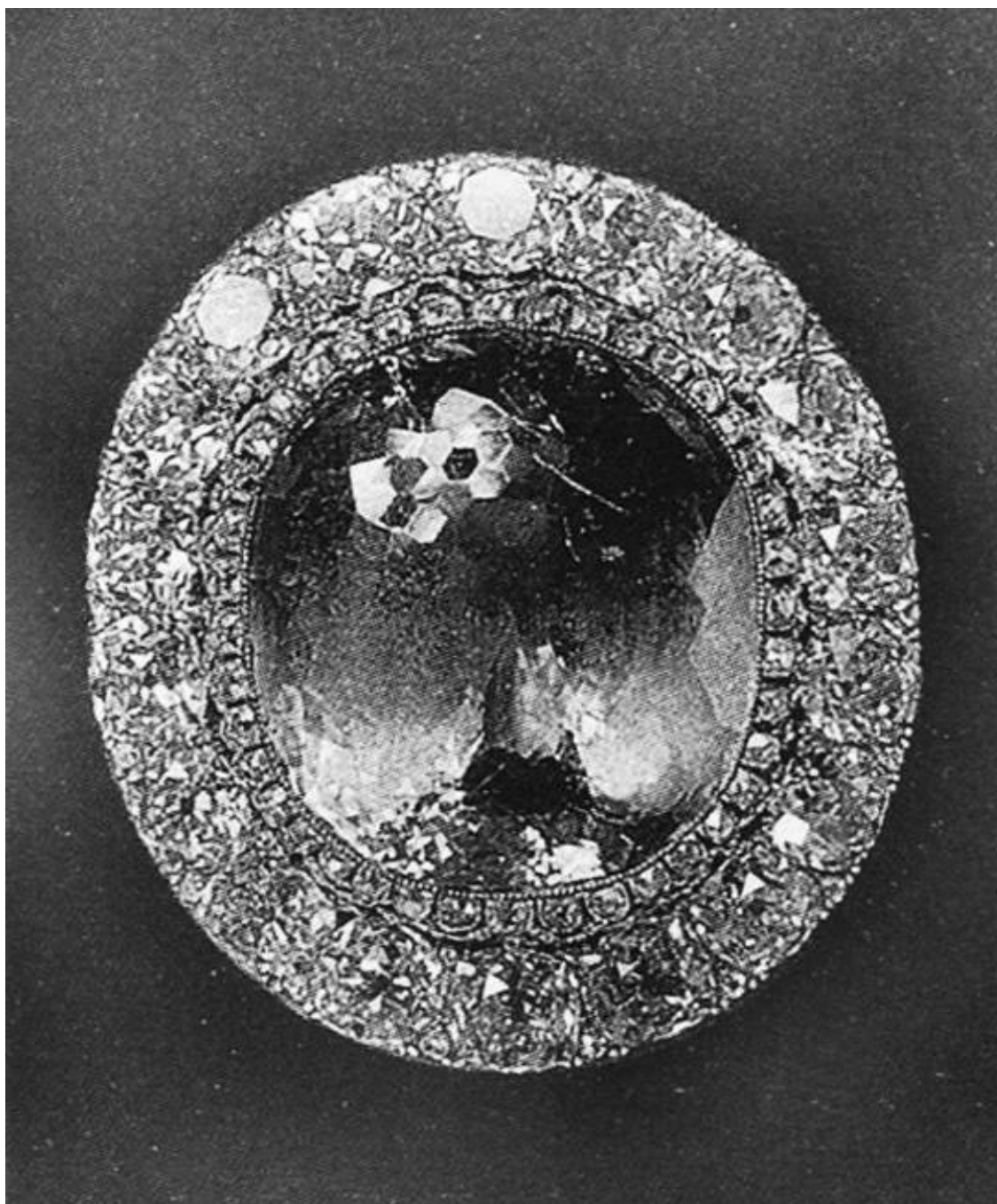
Недаром супруга Николая I оставила унаследованную ею дивную фамильную драгоценность жене своего первенца, а императрица Мария Александровна, в свою очередь, завещала диадему вместе с колье и фермуаром сапфирового гарнитура свекрови присоединить к коронным вещам.

По описи вещей Русской Короны, заведённой в 1898 году и пропавшей после 1922 года, порядковый № 351/343 соответствовал диадеме с сапфирами, рядом, под № 352/344, числилось «колье бриллиантовое с сапфирами», а под соседним № 353/345 оказался сапфировый фермуар. Под порядковыми номерами 343–345, указанными в знаменателе дроби, эти три вещи сапфирового гарнитура императрицы были занесены в промежуточную опись коронных вещей, когда при новом императоре Александре III придворные оценщики заново проверили в 1883 году состояние коронных сокровищ.

Теперь пришлось с повышенным вниманием просматривать и другие выпуски сокровищ Алмазного фонда СССР, педантично всматриваясь не только в чёрно-белые фотографии, но и в комментарии к ним опытных и знающих экспертов ферсмановской комиссии.

Даже не сразу верится, что «сапфировый фермуар» – не что иное, как великолепнейшая брошь с самым большим сапфиром Алмазного фонда.⁹² Традиционно в этом камне в 25225/32 дореволюционных каратов видели подарок Александра II его дражайшей половине, купленный на Всемирной выставке 1862 года в Париже. Ведь при переводе из старых мер в метрические (то есть умножая первоначальное число на 1,03, поскольку принятый в столице Российской империи вес карата составлял 206 миллиграммов) и получается цифра, соответствующая современной массе камня – 260,37 метрического карата. Наконец-то мне стало ясным, почему не удавалось ничего похожего «выудить» из описаний редкостей, представленных на парижской выставке.

⁹² Алмазный фонд СССР. Вып. 1–4. М., 1924–1926. М., 1925, вып. 3. С. 42–43, аннотация к № 134, табл. LXVII, фот. 155 (Далее – Алмазный фонд СССР); Горева О., Полянина И. Алмазная сокровищница России: Путеводитель. Люцерн, 1994. С. 61–62, 80 (илл.) /уточненный вес сапфира = 260,37 карат. (Далее – Горева, Полянина. Алмазная сокровищница России); Буранов Ю. Камень российских императриц // Антикватория, М., 2003, № 5, ноябрь–декабрь (Искушение временем). С. 81 (илл.); Горева О. Алмазная сокровищница России. М., 2006. С. 63 (Далее – Горева-2006); Полянина И.Ф. Сокровища Алмазного фонда России. М., 2012. С. 202 (илл.), 203–204. (Далее – Полянина, Сокровища Алмазного фонда России.).

Бриллиантовая брошь-фермуар с сапфиром

Уникум, оказывается, дар скончавшегося в 1855 году императора Николая I, считавшего любимым камнем (как, впрочем, и супруга его первенца) именно сапфир. Один из крупнейших в мире, к тому же дивной красоты и прелести, очень чистый и прозрачный цейлонский синий корунд, ровного бархатистого густо-василькового тона, покрыт в верхней части, согласно старинной индийской огранке, множеством шестиугольных мелких фасеток-граней, заставляющих дробиться лучи света, погружая его в мягкое марево полыхающих искр.

Академик Александр Евгеньевич Ферсман, подробно рассмотревший при разборе коронных вещей дивный яхонт, оценённый в 88 600 рублей, видя в нём прекраснейший из признан-

ных в Европе сапфиров, по праву включил уникам в число семи знаменитых камней Алмазного фонда СССР.⁹³

Остающийся пока неизвестным петербургский ювелир умело поместил редкостный сапфир в брошь, отличающуюся благородством, строгостью и изяществом рисунка, да к тому же окружил уник трёхступчатым кольцом из бразильских бриллиантов, чтобы обыграть и одновременно замаскировать излишнюю высоту раритета. Но на оправе «броши», вначале служившей фермуаром, отчётливо видны колечки, за которые застёжку некогда прицепляли к низке из самоцветов.

⁹³ *Ферсман А.Е.* Семь исторических камней Алмазного фонда // Алмазный фонд СССР, М., 1926, вып. 4. С. 9. Досадно, что эту бриллиантовую брошь-фермуар с сапфиром В.В. Никитин ошибочно указал в числе проданных (Драгоценности Российской Короны // Проданные сокровища России, 2000. С. 273, № 134, иллюстрация первая сверху справа).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.